

ОСТРОСЮЖТНЫЙ РОМАН О ПРОРИЦАТЕЛЕ

ЗНАМЕНИЕ

Всемогуший

Сергей Кулаков

Знамение

Сергей Кулаков

Всемогущий

«ЭКСМО»

2010

Кулаков С. Ф.

Всемогущий / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2010 — (Знамение)

Знаменитый писатель Егор Горин обладает уникальным талантом – он способен предсказывать будущее. Ему открыты как отдельные человеческие судьбы, так и грядущее всей нашей планеты. Но этот дар приносит Горину не только нравственные мучения, но и бесконечные беды. Слишком много весьма влиятельных персон осведомлено о том, на что способен Егор. И на Горина открывается дикая охота – все «охотники» пытаются заставить провидца работать на себя, используя его дар в корыстных целях. И даже самые близкие люди, которым Егор безоглядно верил, предают его. Провидцу не остается ничего другого, как бежать и скрываться. Но у него есть одно абсолютное преимущество: будущее его врагов и их тайные планы для него – раскрытая книга...

© Кулаков С. Ф., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Презентация	5
Отец Кирилл	20
Ультиматум	29
Западня	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Кулаков

Всемогущий

Презентация

Молодой мужчина в сером, с полоской костюме неброского, но изысканного кроя, который так выгодно отличает стиль Armani от всяких других стилей, шел по улице, держась ее внутренней стороны и глядя строго перед собой. Казалось, он прижимается к домам, словно пытаясь затеряться на их фоне, хотя по внешнему виду никак нельзя было заподозрить его в такой несовременной черте характера, как стыдливость.

Порой, будто пересиливая себя, он бросал из-под бровей быстрый, но необычайно пристальный взгляд, отчего проходящие мимо особы женского пола чувствовали замирание в груди, и шаг их замедлялся сам собой – что, впрочем, никак не отражалось на поведении мужчины в сером костюме. Другие мысли снедали его, и они же, по всей видимости, заставляли его торопливо отводить взгляд от прохожих и впериваться в пространство бледного сентябрьского неба – туда, где сходились крыши домов и где его взору было не в пример спокойнее, чем на оживленных городских тротуарах.

Перейдя улицу на переходе, мужчина свернул направо и двинулся по улице Малая Бронная в направлении Патриарших прудов. На ходу он покосился на часы, следствием чего явилось некоторое прибавление шага. Но взгляд его все так же блуждал где-то в отдалении, и юные красавицы по-прежнему оставались вне сферы его внимания, равно как и все прочие встречающиеся на пути граждане.

По дороге ему попалась молодая мамаша, катившая перед собой коляску с упитанным, кудрявым чадом, самозабвенно сосущим через трубочку ананасовый сок из яркой тетрапаковской упаковки. Мужчина, бросив взгляд на препятствие, обогнул было его и двинулся дальше. Но тут шаги его вдруг замедлись, и через несколько метров он остановился. Потерев себе лоб и что-то неразборчиво пробормотав, он повернулся и, с усилием переставляя ноги, как будто за ними тянулась пара чугунных люков, догнал мамашу и тронул ее за руку.

– Простите...

– В чем дело? – резко обернулась та.

Взгляд ее зеленоватых, слегка навывкате глаз был тревожен и выражал готовность к отпору. И сама ее невысокая, круглая фигура, обтянутая белой кофточкой и нелепыми голубыми джинсами, подчеркивающими широту деревенских бедер, говорила о том, что всякий желающий зла ей и ее ребенку получит как минимум удар по барабанным перепонкам, а как максимум – разодранные щеки и отшибленные тестикулы. Внешний вид незнакомца, весьма респектабельный (как на картинке в глянцевого журнале), несколько ее успокоил, но то, как она инстинктивно закрыла собой коляску, яснее ясного давало понять, что бдительности она не потеряет ни при каких обстоятельствах.

– Я вообще-то... – замялся мужчина, отступая назад и отводя глаза.

Его поведение показалось женщине странным, и она тоже попятилась, вслепую отталкивая коляску крепким бедром.

– Что вы хотите? – спросила она.

Ее голос напрягся, и она бросила вокруг себя ищущий взгляд, выбирая, на кого из окружающих можно будет опереться в случае возможного столкновения.

– Я хочу только сказать вам... – начал мужчина еще более нерешительно.

Вдруг выражение лица молодой женщины сменилось с настороженного на заинтересованное. Она окинула незнакомца более внимательным взглядом, поправила волосы и улыбнулась, в одно мгновение постройнев и похорошев.

– Да? – особым грудным голосом спросила она.

Ребенок сзади подал голос, но она не обратила на него внимания, лаская незнакомца прищуренным взглядом, выражающим скорее игривость, нежели враждебность.

– Я только хотел сказать вам... – снова начал мужчина.

Он осекся и потер себе лоб, явно не решаясь сказать то, что побудило его остановиться и догнать эту женщину, до которой, в сущности, ему не было никакого дела.

– Ну, говорите уже, – с фамильярностью, дающей ему право на развитие ситуации, потребовала все более стройнеющая мамаша.

Для большей убедительности она выпятила грудь, и без того прекрасно обрисованную тесной кофточкой.

– Дело в том, что ваш ребенок скоро умрет, – быстро и как бы в сторону проговорил мужчина.

Образ незнакомца настолько не вязался с его словами, что женщина вначале не услышала сказанного. Затем ее глаза наткнулись на пристальный, виноватый и одновременно соболезнующий взгляд, который мужчина в сером костюме отважился на минуту задержать на ее лице, и до нее наконец дошло то, что он произнес.

– Как? – тихо выдохнула она. – Я не...

– Вы только не волнуйтесь, – тихо заговорил незнакомец, выдавливая бровями мученическую складку на переносице. – Это от ананасового сока. У него сложная аллергия на ананасовый сок, которая приведет к опухоли... Но это можно предотвратить. Перестаньте поить его ананасовым соком и сводите к врачу, и я уверен, что он сумеет помочь вам...

– Откуда вы знаете? – прошептала женщина.

Мужчина осекся и замолчал, глядя на ее побледневшее лицо.

– Прошу вас, не волнуйтесь...

Его внешность все еще продолжала действовать на нее, поэтому она, сдерживая дрожь подбородка, робеющим тоном спросила:

– Вы врач?

Ее вопрос поставил незнакомца в тупик.

– Н-нет, – покачал он головой. – Я не врач. Но я знаю, что говорю. Поймите, это от ананасового сока...

– Так вы не врач?

Голос женщины отвердел, но мужчина не уловил разницы в ее тоне и пустился в объяснения:

– Нет, но это совершенно неважно. Дело в том, что я точно знаю, в чем причина смерти вашего ребенка. То есть, я хотел сказать, возможной смерти...

– Кто вы такой? – вдруг громко спросила женщина.

Весь воздух из нее вышел, она разом погрузнела и набычилась. Ее лицо заострилось, подбородок опустился, а одно плечо выдвинулось вперед, как у боксера в стойке. От игривости не осталось и следа. Теперь это была готовая к драке самка, тем более злобная, что за ее спиной находился младенец, только что по непонятному произволу приговоренный этим странным человеком к смерти.

– Не поднимайте шум, пожалуйста, – умоляющим тоном проговорил незнакомец. – Я не хочу причинить вам боль. Я только хочу помочь вашему ребенку.

Очарование от его внешности окончательно растворилось в гневе, охватившем женщину. Ее глаза сверкнули.

– Иди отсюда, ненормальный! – сказала она и даже сделала наступательное движение, топнув ногой.

– Я пойду, – не стал спорить незнакомец. – Но вы должны мне поверить. Это от ананасового сока. Вашему ребенку нельзя давать ананасовый сок. Пожалуйста, проконсультируйтесь с врачом...

– Я милицию позову! – взвизгнула молодая мать.

На ее крик отозвался испуганным плачем младенец, кое-откуда уже начали коситься любопытные.

Мужчина в сером костюме явно переживал не лучшие мгновения в своей жизни. Он видел, что еще немного – и дело примет скверный оборот, ибо угроза молодой матери призвать на помощь милицию отнюдь не казалась пустословной. Напротив, она была преисполнена решимости, и вид остановившихся в отдалении фигур, привлеченных возможностью развлечься, мог только подтолкнуть ее к осуществлению своего намерения.

Мужчина понял, что надо уходить. Но, понуждаемый некоей силой, превышающей инстинкт самосохранения, он рискнул сделать еще одну попытку.

– Пожалуйста, – сказал он, сложив в умоляющем жесте руки, – не оставьте мои слова без внимания. Я сейчас уйду, и больше вы меня никогда не увидите. Но ради вашего ребенка...

– Отстань от меня, маньяк! – выхватив плачущего ребенка из коляски, грубым голосом заорала женщина. – Люди, прошу вас, вызовите милицию! Это какой-то ненормальный!

Плач малыша удвоил ее ярость, и теперь она готова была обрушить на голову незнакомца все имеющиеся в ее распоряжении карательные санкции.

Бросив взгляд на юнца-переростка, подносившего зачарованным жестом мобильный телефон к глазам, и уловив, что круг любопытствующих густеет и сужается, мужчина повернулся и быстро пошел прочь.

Его не задерживали, поскольку в ситуации мало кто разобрался, а внешность незнакомца не позволяла причислить его к субъектам, терроризирующим среди бела дня беззащитных женщин. Все благоразумно сочли, что стали свидетелями семейной сцены, и через пару минут пространство вокруг молодой мамы рассеялось.

Лишь один человек задержался возле коляски дольше других. Это был мужчина лет пятидесяти, невысокий, плотный, с линиялым лицом администратора средней руки и обширной загорелой лысиной. Одет он был в кремовый костюм и светлую сорочку, и вид у него был до того добродушный, что, когда он заговорил, молодая мать не почувствовала и тени беспокойства.

– У, какой бутуз, – сказал обладатель загорелой лысины, делая ребенку «рожки» короткими толстыми пальцами. – Богатырь будет!

Женщина, чья вера в светлое будущее своего младенца было только что так жестоко попорана, благодарно ему улыбнулась.

– Как зовут?

– Тимофей.

– Тимоша, значит. Что хотел от вас этот человек? – поинтересовался мужчина, играя с малышом.

– Да ненормальный какой-то, – сказала мать, перекидывая сына с руки на руку. – Я шла, а он привязался...

– Он вам угрожал? Я слышал, вы звали милицию.

– Не мне...

– А кому? Неужели вашему ребенку? Ай-ай-ай...

– Да... Нет, он не угрожал. Только говорил всякое.

– А что? – понизил голос мужчина. – Не купить, случайно, предлагал?

– Нет, что вы, – ужаснулась мать. – Он говорил только, что Тимке не надо пить ананасовый сок. Что у него сложная аллергия и это может вызвать опухоль...

– Ах, вот что, – выпрямился мужчина. – Ну, это точно какой-то псих. Поди, насмотрелся телевизора – и туда же. А выглядит прилично, и не подумаешь так-то...

– Да... – вздохнула молодая женщина, оглядываясь.

– Ну, ладно, – заторопился мужчина, – всего вам хорошего. Забудьте это, как дурной сон, и живите спокойно.

– Спасибо вам...

Мужчина в кремовом костюме кивнул и быстро направился в ту же сторону, куда ушел незнакомец. Но тот уже давно исчез.

Ребенок успокоился, и женщина, усадив его в коляску, продолжила путь. На ходу она достала из кармана коляски новый пакетик с ананасовым соком, воткнула в него трубочку и вручила малышу, с улыбкой любуясь на то, как он выпячивает губы и втягивает щеки, становясь похожим на рыбку.

Между тем мужчина в сером костюме подходил к зданию в Малом Козихинском переулке, у которого наблюдалась некоторая, похожая на праздничную, суета. Судя по всему, его ждали. Едва он вошел в ограду, к нему ринулась группа фотографов, восторженно требуя, чтобы он посмотрел в тот или иной объектив.

– Егор, пожалуйста, сюда! – раздавался призывный крик. – Улыбнитесь!

Мужчина, вымученно улыбаясь и, похоже, сам чувствуя эту свою вымученность, на секунду поворачивался к объективу, чтобы затем попытаться пробиться к дверям парадного. Но его не отпускали, окружив плотным кольцом, и жадно щелкали кнопками.

– Господин Горин, сюда! Егор, пожалуйста... Шире улыбку, господин Горин! Отлично! Еще...

К нему решительно пробился рослый мужчина в белом костюме; его голову украшали остатки смоляных кудрей, вьющихся вокруг его широкого затылка – очень живописно и тем более смело из-за их небольшого количества. Он вырвал Егора из кольца журналистов и потащил к дверям.

– Ты что, пешком шел?! – прошипел он возмущенным голосом, когда они оказались в холле.

– Да, решил немного пройтись...

– Егор, ну как так можно! Все уже собрались, народ нервничает, а ты где-то ходишь! Я чуть с ума не сошел!

– Но я же вовремя, Альберт, – слабо возражал Егор, ища кого-то глазами.

– Слава богу, что вовремя! Ты почему не отвечал на мои звонки? Я раз сто тебе звонил.

– Мобильный дома оставил.

– Безобразник. Давай быстрее!

– Жанна здесь?

– Здесь, изволновалась вся. Быстрее же ты, ну!

Альберт Эдуардович Плоткин, издатель и, волею необходимости, друг знаменитого писателя Егора Горина, только что явившегося на презентацию собственной книги, стремительно взбежал с ним на второй этаж и втолкнул его в распахнутые двери зала, где уже вертела головами избранная публика.

– А вот и виновник торжества! – провозгласил он несколько дрогнувшим голосом.

Появление «виновника торжества» было встречено благодушным гулом. Его последняя книга, ради которой и собрались нынешние гости – все люди известные, с вкраплениями великих, – получила самые лестные отзывы и грозила стать гвоздем сезона. И литературные критики, и собраты по цеху, и почитатели, и ненавистники – все сошлись во мнении, что на сей раз Егор написал нечто выдающееся. Удача одинаково манит всех, а большая удача, как гигант-

ский алмаз, еще и ослепляет, поэтому сегодня нашли нужным явиться даже те, кому по рангу вроде бы не полагалось дарить своим вниманием автора, относящегося – в силу возраста, не таланта – к разряду молодых. Поэтому-то Альберт Эдуардович был так возбужден, и поэтому голос его вздрагивал вполне натурально, хотя кто-кто, а уж он-то был искушен в подобного рода мероприятиях, как никто другой.

– Давай на сцену! – прошипел Плоткин, толкнув Егора в спину.

Тот неуверенно направился к сцене, чувствуя на себе взгляды собравшихся и более всего опасаясь встречи с этими взглядами. Он смотрел строго перед собой, а встав за трибуну, устремил взор куда-то поверх голов, шурясь и мигая, точно в глаз ему попала соринка.

– Добрый вечер, дорогие друзья, – начал он негромко.

Перешептывания, сопровождавшие его перемещения, затихли. Все хотели услышать, что скажет очередной кандидат в бессмертные. Как знать, не станет ли его речь манифестом новой русской литературы?

Однако же ничего «такого» сказано не было. Егор поблагодарил собравшихся за внимание к своей персоне, произнес несколько благопристойных острот, улыбнулся и сошел со сцены.

Впрочем, провала не было. Его поведение легко было объяснить переутомлением, а бледность, заливавшая его щеки, только подтверждала слухи о небезопасности литературного труда. Ему скорее посочувствовали, нежели осудили, а это было лучшее из того, чего он мог дожидаться в ответ на свою более чем скромную речь.

Но Егора мало занимало происходящее. Кинув во время своего выступления взгляд со сцены в зал, он с облегчением увидел ту, которую искал. Изящная брюнетка с гордо посаженной головой, гладко причесанной на прямой лад, сидела в первом ряду, расположившись для удобства несколько боком, и внимательно смотрела на него. На ней было изумрудное платье, нитка белого жемчуга и белые туфли на высоком каблуке. Подчеркнутая безыскусность наряда словно оттеняла ее оригинальную, во французском стиле, красоту, а матовое сияние плеч с равной силой притягивало взгляды и мужчин и женщин, сидевших за ее спиной. Но она, казалось, ни на кого не обращала внимания и держала себя так, будто в зале никого, кроме нее, не было, что невольно внушало мысль о некоем особом рода опыте, берущем начало не столько в преимуществах воспитания, сколько в качествах, заложенных самой природой.

Поймав взгляд Егора, она ответила ему ободряющей улыбкой, а когда он сел рядом, прошептала с искренней тревогой в голосе:

– Что с тобой?

– Нам надо поговорить, – сказал Егор.

На сцене в эту минуту выступал с хвалебным словом маститый писатель – в патентованных седирах и бородавчатых брылах, столь хорошо известных стране, – и Егор рисковал оказаться неучтывым. Но ему, казалось, было безразлично, что о нем подумают.

– Жанна, я так больше не могу, – сказал он, не скрывая своего отчаяния.

– Егор, прошу тебя, потерпи, – прошептала Жанна. – На нас смотрят. После поговорим.

Егор посмотрел в ее голубые глаза и, как всегда, поддался их спокойной, как речной поток, власти. Он перевел дух и в течение следующего получаса, опустив веки, молча выслушивал все, что говорили выступавшие, аплодируя или же сохраняя почтительное внимание, – в зависимости от того, что делала в ту или иную минуту Жанна. Мыслями же он был далеко, и, возможно, об этом ему следовало пожалеть, ибо выступавшие не скупилась на краски и излили на него дождь из славословий и изъявлений дружбы и желания сотрудничать – естественно, едино лишь во благо российской культуры.

Все это Егор перенес с полнейшим спокойствием, тем более удивительным, что предложения исходили из уст людей, имеющих немалый вес в тех сферах, которые они представляли. Реакция виновника торжества была замечена окружающими, но, как это иногда бывает с явле-

ниями, которым придается исключительное и, увы, зачастую неверное значение, ее интерпретировали как наличие колоссального творческого потенциала и безграничной веры в собственные силы. Это только добавило уважения к молодому писателю, и ему тут же напророчили великую славу, где Нобелевская премия была не милостью судьбы, а лишь одной из данностей.

– Еще немного терпения, – шепнула Жанна Егору.

Вышедший с заключительным словом Альберт Эдуардович тонко польстил окружающим, намекнув, что только истинные таланты способны различать себе подобных, рассмешил всех старой одесской шуткой и пригласил закусить, чем бог послал.

Гости начали подниматься и без околичностей потянулись к столам, расставленным вдоль стен.

К одному из столов подошел и Егор с Жанной. Их по пятам сопровождал Плоткин, следивший за тем, чтобы Егор не отколол какой-нибудь номер. Ибо, по тайному замечанию Альберта Эдуардовича, его подопечный в последнее время стал каким-то странным и внушал своим поведением серьезные опасения. В глубине души Альберт Эдуардович надеялся, что Егор вложил в свой последний роман, действительно великолепный, слишком много сил, что некоторым образом сказалось на психике, и, должно быть, со временем это пройдет. Но пока следовало быть начеку – особенно в присутствии таких персон.

За столом, впережку с питьем и жеванием, шел легкий, полусветский, полуинтеллектуальный разговор. Тон задавал Андрей Врангель, выходец из династической актерской семьи, молодая питерская звезда от телевидения и юмора, прочно обосновавшаяся в столице и чувствующая себя здесь как рыба в воде. Андрей был высок, статен, смугловат и действительно талантлив, и его шуткам с удовольствием внимали как ровесники, так и люди более консервативного поколения. Находясь за этим столом, он отнюдь не тушевался от близости светил культуры и не умолкал ни на минуту.

– А позвольте вас спросить, уважаемый Егор Егорович, – хорошо поставленным баритоном спросил он, – трудно ли написать роман?

Его лицо было абсолютно серьезным, тон – отменно предупредительным, и эта-то способность синтезировать безукоризненные манеры с умением раздражаться обоймой первоклассных шуток выделила его из сонма записных остряков, рвущихся к славе, и поставила на ту ступеньку, которую он теперь занимал столь уверенно и столь блистательно.

– Смотря какой, – ответил Егор, поневоле втягиваясь в разговор.

– Да, я слышал, что каждый человек может написать книгу, – под одобрительные улыбки окружающих продолжал Андрей. – Это правда, Егор? Скажите мне, как писатель писателю. Будущему, само собой.

Известная писательница, немолодая тучная дама с тяжелыми кренделями волос, зачесанными на уши, прыснула в ладошку, как школьница. Она была внучкой знаменитого писателя, олицетворяла собой целое направление в литературе и, конечно, не могла остаться равнодушной к теме, походя затронутой молодым юмористом. Тем не менее ответа Егора она ждала с интересом, обратив на него красивые черные глаза и тая усмешку в чувственных губах, доставшихся ей от деда, известного ловеласа и сибарита.

– Почему нет? Как мне представляется, одну плохую книгу действительно может написать каждый, – сказал Егор, не стремясь пошутить, а лишь высказывая то, о чем думал раньше.

Но известная писательница неожиданно рассмеялась.

– Браво, – сказала она.

– Ага! – воскликнул Андрей. – Даже так?

Было видно, что он нащупывает подходящую шутку, как скрипач нащупывает мелодию, и все с готовой улыбкой ждали результатов его поисков.

– Вроде того, – подтвердил Егор, тоже улыбаясь.

На этом крепком парне его измучившийся взгляд как бы получил передышку, и он не спешил отвести глаза от его круглощекого, поросшего густой щетиной лица.

– Тогда мне никогда не стать настоящим писателем, – понурившись, сказал Андрей. – Не исполнится мечта моего детства.

– Почему же, Андрюша? – с улыбкой обратилась к нему писательница.

– Потому что все, на что я способен, по словам господина Горина, это написать одну-единственную плохую книгу, – печально и серьезно ответил тот. – А с этим даже Оксаной Робски не станешь.

Все радостно рассмеялись; молодой юморист, блестя глазами, но сохраняя серьезную мину, молча переждал очередной триумф и перенес свое внимание на стоящую рядом с ним телеведущую, приземистую девушку с пышными формами и бантом в распущенных волосах, на пару с которой они принялись так веселить окружающих, что те забыли про шампанское и омаров.

Никто не заметил, что лицо Егора в эту минуту при взгляде на пышнотелую телеведущую исказилось, и он быстро отвел глаза, вновь устремив их куда-то вверх. Одна лишь Жанна уловила изменение в нем и незаметно взяла его за руку.

Егор благодарно ответил на ее пожатие, но взгляд его блуждал где-то далеко.

– Должна вам сказать, Егор, как профессионал, – шагнув ближе к нему и понизив голос, сказала известная писательница, – что ваша последняя работа просто великолепна. Мне удалось достать сигнальный экземпляр, и я была в восторге.

– Благодарю вас, – пробормотал Егор, с трудом заставив себя взглянуть в ее чуть выпуклые, блестящие глаза.

Но то, что он там увидел, заставило его немедленно потупить.

– Не знаю, отчего у меня сложилось такое впечатление, – продолжала между тем его собеседница, – но вторая часть книги разительно отличается от первой. Если бы не ваш стиль, который ни с чьим другим не спутаешь, я подумала бы, что это писали два разных человека.

– Да, – сказал Егор с трудом, – вы правы. В процессе работы над книгой произошли некоторые события, которые заставили меня взглянуть на многие вещи по-иному. И, наверное, это отразилось на содержании.

– Если и отразилось, то только в лучшую сторону, – улыбнулась писательница. – Вы знаете, я была поражена некоторыми откровениями. В особенности, вы написали о том, что произошло буквально на днях. Этот конфликт с Евросоюзом, и дальнейшее подписание договора... И война на Ближнем Востоке... Причем все изложено с исключительной точностью, как будто вы смогли заглянуть в будущее. Мне даже страшно стало. У вас что, есть свои информаторы на небесах?

– И не только там, – побледнев, вымучил улыбку Егор.

– В таком случае поздравляю вас. Вы умеете работать.

– У меня были прекрасные учителя, – поклонился ей Егор.

Писательница поблагодарила его ласкающим взглядом, в котором промелькнула не одна только благосклонность автора, получившего свою долю признания. Но Егор был мыслями уже не с ней, и писательница, по-своему истолковав его рассеянный взгляд, лишь тихо вздохнула, оглядев не без зависти стоящую рядом с ним Жанну.

А Егора уже тащил из-за стола Плоткин.

– Дорогие дамы, прошу меня простить, но наш дорогой писатель нужен всем гостям! – объявил он шутливым, но непререкаемым тоном и тут же шепнул на ухо Егору: – Хватит прожигать жизнь, пора заняться делом.

Он усадил его за стол, на котором высились штабеля выделенных на презентацию книг, и Егор, машинально улыбаясь, начал подписывать подходившим гостям дарственные экземпляры.

Плоткин потирал руки. Все шло как по маслу. Явились телевизионщики от светской программы на НТВ, и мероприятие, таким образом, получило официальный статус. Под камерами гости принимали скульптурные позы и, подходя к столу, старались встать так, чтобы выглядеть как можно более выигрышно.

Вот, похлопывая себя по бедру, зал неторопливо пересек Владислав Карлович Широковский, именитый политик, лидер одной из оппозиционных партий, известный в первую очередь своим скандальным поведением именно в близости объектива. Он был, как всегда, элегантен в своем отлично сшитом сиреневом костюме и небрежно повязанном галстуке, прекрасно сознавал значительность своей фигуры и держался как человек, бесспорно, первый в присутствующем обществе.

– Говорят, ты там и по мне немного прошелся? – спросил он небрежным тоном, указывая на книги.

Впрочем, смотрел он зорко, ибо был прирожденным бойцом и мелочей для него не существовало.

– Совсем чуть-чуть, Владислав Карлович, – сказал Егор. – Я думаю, вам понравится.

– Ну, смотри, смотри, – косясь в глазок видеокамеры, сказал Широковский, – я проверю. Если что не так, поедешь на Колыму.

Те, что стояли поблизости, подобострастно засмеялись. Егор подписал книгу, вручил Широковскому. Тот прочитал написанное: «Выдающему деятелю имярек от скромного автора», одобрительно кивнул, протянул руку.

– Молодец, Егор, молодец! Так держать. Пока у страны есть такие люди, она не пропадет.

Егор не понял, кого он имел в виду, но, в сущности, это было и неважно. Главное, что все получили, что хотели, а это значило, что в ближайшее время его оставят наконец в покое и у него появится возможность разобраться с изводившей его ролью Кассандры, неожиданно свалившейся на него три месяца назад и начисто изменившей его жизнь, до того вполне ровную и далекую от каких-либо потрясений.

Продолжая подписывать книги, он издали поймал взгляд Жанны. Она ободряюще ему кивнула, давая понять, что все отлично понимает, что она с ним и что скоро все будет кончено, – разумея, конечно же, этот помпезный прием. В том же, что Егор сумеет покончить с той ситуацией, в которую попал, она не могла быть уверена, да и вряд ли того желала, как он подозревал в глубине души. Истинная подоплека ее появления в его жизни как с самого начала была, так и оставалась для него абсолютной тайной, несмотря на ряд объяснений, полученных с ее стороны и со стороны того, кто называл себя ее воспитателем. Он и хотел бы ей верить, но не мог, поскольку всякий раз, как начинал анализировать и сопоставлять ее слова с ходом тех событий, что-то, почти незаметное, неуловимое, не сходилось – как если бы в пазле, в котором сложилась вся картинка, цветовой тон в некоторых фигурках чуть заметно отличался от других. Вроде бы все так, а вот что-то да не то.

– Ну что ты сидишь с такой кислой физиономией, – прошипел ему в затылок Плоткин, делая вид, что говорит о наиприятнейших вещах. – Улыба-айся...

– Да не могу я, Альберт, – простонал Егор, повернувшись к нему так, что взвизгнули ножки стула. – Не могу, понимаешь?

– Понимаю, Егор, очень хорошо понимаю, – закивал Альберт Эдуардович. – Но надо потерпеть. Ты смотри, какие люди собрались ради тебя!

– Они собрались ради твоих бутербродов, – огрызнулся Егор, досадуя, что должен, вопреки своему состоянию, участвовать в этой комедии.

– Не говори глупостей, – спокойно возразил Плоткин. – Бутербродов у них своих хватает. А вот ты, кажется, просто неблагодарный тип, если не ценишь очевидного.

– Да, я неблагодарный тип, – согласился Егор. – А теперь можно я пойду?

– Куда это?

– Домой.

– Что? – ужаснулся Плоткин. – Какое домой? Ты видишь, еще все гости здесь? Сиди и не рыпайся.

– Да надоело мне...

– Тихо, умоляю тебя, тихо, Егор, – зашипел Плоткин, растягивая губы в умилительную улыбку. – Степанков идет. Егор, прошу тебя, не подведи, будь пайинькой. Потом делай что хочешь, слова не скажу. А сейчас...

Он сделал большие глаза и поднял голову, больно сдавив Егору плечо.

– Ну, – послышался сипловатый тенорок, – господа литераторы, а для меня найдется экземплярчик?

Егор повернулся и увидел перед собой знаменитого кинорежиссера Сергея Степанкова, рослого, седоусого, мощного, настоящего барина – и по родословной, и по образу жизни. Повелея настоящим: мехами и дуэлями. Егор с удовольствием обозрел погрузневшую, но все еще атлетическую фигуру Степанкова и без трепета взглянул ему в глаза. Отец режиссера, один из главных поэтов страны, переживший смену всех советских вождей, скончался лишь недавно, самую малость не дотянув до векового юбилея, и Степанкову, точной копии отца, в ближайшие двадцать лет ничего не грозило.

– Конечно найдется, Сергей Михайлович, – еще шире улыбнулся Плоткин.

Степанков оперся одной рукой – красивой, с перстнем на мизинце – о стол, а другую сунул в карман. Одет он был подчеркнуто просто, в какую-то полуспортивную черную куртку на «молнии» и ношеную голубую тенниску, но в этом и заключался своеобразный шик, дающий возможность подчеркнуть, во-первых, свое отличие от простых смертных, вынужденных подчиняться общепринятым нормам и ходить на официальные мероприятия в строгих костюмах, а во-вторых, лишний раз напомнить о своей принадлежности к творческому миру, имеющему свои особые привилегии.

– Егор, а что же ты ни разу ко мне в гости не зайдешь? – промурлыкал Степанков в усы.

– Э-э... – замялся Егор. – Вы как-то не...

– А ты по-простому, – подмигнул Степанков. – Взял да и зашел. Адрес, думаю, знаешь.

Предложение было таким неожиданным и заманчивым, что Егор на время забыл свои переживания. Степанков был маршалом российской режиссуры и, как ни странно, большим и самобытным художником. Просьба зайти означала, ни много ни мало, предложение о совместной работе, о чем мечтает каждый автор, от начинающего до прославленного, и пренебречь ею было бы невыносимо.

– Знаю, конечно, Сергей Михайлович, – выпалил Егор.

– Ну и славно, – кивнул Степанков. – Буду рад угостить тебя нашей семейной настойкой. Посидим, побалакаем о том о сем. Ты как, принимаешь?

– Конечно...

– Значит, договорились.

Егор подписал книгу, вручил Степанкову. Тот, не читая, сунул книгу под мышку, сощурил карие, с бесовскими огоньками глаза. Сбоку надвинулась камера, и он на минуту о чем-то задумался.

– А что это ты бледноват? – спросил он вдруг Егора. – Не болеешь, часом?

– Нет, – отозвался Егор. – Заработался немного, оттого, наверное...

– Дорогой мой, – задушевно и нараспев сказал Степанков, – помни: здоровье прежде всего! Оно, конечно, древние правильно говорили: через тернии к звездам. Но ведь можно до них и не долететь, сорваться на полпути. Так что береги себя, ты нам всем еще понадобишься.

– Спасибо, Сергей Михайлович, – сказал Егор. – Я обязательно учту ваш совет.

– Учти, учти. А с визитом не тяни. Я на той неделе в Италию собираюсь, так что имей в виду.

– Да, я все понял.

– Ну и прекрасно, раз понял. Надеюсь, так будет и впредь. Альберт Эдуардович, как там моя книга?

– На выходе, Сергей Михайлович.

– Угу, – внушительно уронил Степанков, кивнул и отошел от стола.

– Ты видишь, как поперло? – прошептал Плоткин, надавив Егору на плечо. – А ты – домой? Говорю тебе, это твой звездный час. Пользуйся, пока есть такая возможность.

– Пользуюсь, – отозвался Егор, все еще находившийся под обаянием личности Степанкова, будто облившей его солнечным светом в непогожий ноябрьский день.

– Завтра же чтобы был у него!

– Буду.

К столу подошел молодой мужчина, и Егор перенес свое внимание на него. Это был Валерий Храмов, знаменитый хоккеист, звезда НХЛ. Его обожали и в России, и в Америке за скромную мужественность в жизни и феноменальную игру на площадке. Называть себя его другом почитали за честь звезды Голливуда и президенты, но ему всего дороже была его семья и возможность хоть пару дней провести на загородной даче с мамой, женой и двумя маленькими дочерьми.

– Вообще, читать у меня нет времени, – простодушно сказал он, – но ваши книжки я люблю.

– А я – вашу игру, – улыбнулся Егор. – Хотя я не большой любитель хоккея.

Он взглянул Храмову в глаза – и внезапно побледнел до синевы.

– Что с вами? – воскликнул хоккеист.

Он наклонился над столом и протянул руку, готовясь поддержать Егора, если тот начнет падать.

– Егор, что с тобой? – перепугался Плоткин. – Тебе нехорошо? Дайте воды!

Их поведение начало привлекать внимание, и со всех сторон на них устремились любопытные взгляды. Блеснул зрачок видеокамеры, ловя выражение лиц. Кто-то побежал за водой. Момент был щекотливый. Егор пересилил себя и выдавил улыбку.

– Все хорошо, – сказал он.

Храмов недоверчиво посмотрел на него.

– Точно?

– Абсолютно. Вот, держите ваш экземпляр.

Он размашисто расписался на форзаце, поднялся и вручил книгу хоккеисту. Легкая краска, благодаря тому, что он опустил голову, вернулась на его щеки, и, хотя он и оставался бледным, все-таки выглядел уже чуть лучше, чем покойник.

– Можно вас на минуту? Хочу кое о чем спросить.

– Да, конечно, – кивнул Храмов.

– Егор, ты в порядке? – спросил Плоткин, приняв у кого-то стакан с водой и не зная, что с ним делать.

– Все хорошо, – твердо повторил Егор. – Я сейчас.

Он взял Храмова под руку и повел за собой, в дальний угол, свободный от гостей. Хоккеист, несколько удивленный, шел за ним, явно не понимая, какого рода разговор ему предстоит.

Егор остановился за колонной и, оглянувшись, с мольбой посмотрел на Валерия.

– Прошу вас, только отнеситесь серьезно к тому, что я вам сейчас скажу, – тихо и быстро проговорил он.

Хоккеист, парень с упрощенной и потому весьма надежно устроенной психикой, кивнул, хотя и был несколько сбит с толку.

– Ладно.

– Вы завтра утром собираетесь ехать на дачу? – спросил Егор.

Он так волновался, что вынужден был опереться на колонну. Храмов, начиная о чем-то догадываться, едва заметным, инстинктивным движением отстранился от него, как от человека, от которого всякого можно ожидать.

– Да, собираемся, – сказал он.

– Вы хотите ехать на машине вместе с женой? – допытывался Егор.

– Ну да.

– И она сядет за руль, правильно?

– Ну, ясно, – улыбнулся Валерий. – Я сегодня маленько у вас тут клюкнул, еще ребята вечером в сауну позвали... Так что кому же завтра за руль, как не жене? А что вы спрашиваете? Хотите с нами? Так милости просим, мы будем только рады...

– Прошу вас, не делайте этого, – перебил его Егор.

– Чего? – удивился Храмов.

– Не пускайте жену за руль. И вообще, лучше поезжайте на поезде... на автобусе, на такси, хоть пешком идите, только не на своей машине.

Храмов покраснел.

– Да почему, вообще? – грубовато спросил он.

В разгар беседы оба не заметили, как за соседнюю колонну зашел невысокий плотный мужчина в кремовом костюме. Каким-то волшебным образом слившись с колонной и став практически невидимым, он весь обратился в слух.

– Потому что ваш автомобиль завтра утром попадет в аварию и вы с женой погибнете, – сказал Егор.

Храмов вытаращился на него:

– Что?

– Я понимаю, это звучит странно и, наверное, страшно. Но прошу вас поверить мне. Я точно знаю, что завтра утром вы с женой попадете в аварию...

– Это что, розыгрыш такой? – спросил Храмов.

Его прочные нервы справились с волной паники, последовавшей за услышанным сообщением, и теперь он пытался понять, где кроется подвох. Он даже оглянулся в поисках телеоператора, но ничего не обнаружил и с недоверчивой улыбкой уставился на Егора.

Мужчина в кремовом костюме незаметно отлепился от колонны и отошел к гостям. Все, что нужно было, он узнал. Частности его не интересовали.

– Нет, Валерий, это никакой не розыгрыш, – между тем пытался убедить хоккеиста Егор. – Как бы вам сказать... Вы про экстрасенсов слышали?

– Это те, что пропавших ищут? – ухмыльнулся Храмов.

– И не только. Так вот, у меня есть такие способности. И я увидел вашу гибель, понимаете? То есть увидел аварию, которая завтра произойдет, если ваша жена сядет за руль. И поэтому прошу вас отказаться от поездки на автомобиле.

Храмов с сомнением посмотрел на Егора:

– Как это – увидел?

– Ну, при взгляде на вас *это* возникло в моем сознании. Понимаете?

Хоккеист наморщил гладкий лоб.

– Так это не прикол?

– Да нет же, я говорю совершенно серьезно. Завтра утром ваш автомобиль попадет в аварию. Поэтому будет лучше, если вы поедете другим транспортом.

– Может, мне вообще дома сидеть? – нахмурился Храмов.

Его начало тяготить происходящее. Отвлеченные материи были не его стихией, и не привычный к сложной работе мозг принялся решительно отторгать влагаемые в него чуждые и оттого враждебные понятия.

– Нет, подождите, – умоляющим тоном сказал Егор. – Вы напрасно сердитесь. Я вовсе не хочу вас обидеть. Я прошу лишь поверить мне.

– Считай, что поверил, – бросил Храмов.

Он повернулся с намерением уйти.

– Подожди, – остановил его Егор. – У тебя моя книга. Прочти ее, и ты поймешь, что я говорю правду!

– Вот эту?

Хоккеист взвесил книгу на руке и скептически оценил ее толщину.

– Эту, – кивнул Егор.

– Это мне что, сейчас весь день сидеть и читать? – спросил с возмущением Храмов. – А пацаны будут в сауне балдеть?

– Но это же ради тебя! – разозлился Егор, видя, что ничем не пробьет этот заслон косности и недоверия. – Ради твоей семьи. Как ты не поймешь?

– Что ты ко мне прицепился? – взорвался Храмов. – Я думал, писатели люди как люди. А тут – чистый псих...

Он решительно вышел из-за колонны и направился к гостям, неся книгу Егора кончиками пальцев и на отлете, как нес бы пакет с мусором или дохлую змею.

Егор выскочил за ним и вцепился ему в рукав.

– Да подожди ты, идиот! – заорал он. – Ведь на кону стоит твоя жизнь.

Он забыл, что имеет дело с лучшим нападающим НХЛ. Храмов каким-то скользящим движением сдвинул свой литой корпус вбок, вырвал рукав из руки Егора и толкнул его ладонью в грудь. Тот отлетел, как пушинка, и не упал лишь потому, что успел ухватиться за колонну.

– Отвали от меня, придурок, – мрачно выговорил Храмов, нависнув над ним грозовой тучей.

Постояв, он презрительно бросил книгу на пол, возле Егора, и тяжелой поступью двинулся к выходу.

Егор выпрямился, забыв о книге, посмотрел в спину Храмову, понимая, что любой его последующий шаг встретит самое грубое сопротивление, и только тут почувствовал, как тихо стало в зале.

Он медленно обернулся – и перед ним предстала немая сцена. Некоторые из гостей застыли живописными группками у столов, другие в одиночестве стояли там, где их застал крик Егора, – и все молча смотрели на него.

«Что я натворил?» – ужаснулся он.

Увидев выпученные глаза Плоткина, Егор понял, что прощения ему не будет.

Махнув рукой на приличия, он поворотился к двери, чтобы попытаться догнать и вразумить Храмова. Но того уже и след простыл.

«Опять у меня ничего не вышло, – подумал Егор. – Не надо было и пробовать».

Тошнотворная тяжесть навалилась на него, и ему захотелось сесть прямо на пол. Гости постепенно оживали, Плоткин кошачьей походкой плыл к нему.

– Что это было? – спросил он, приблизившись и подняв брошенную Храмовым книгу.

– Так, – вяло сказал Егор.

Он заметил, что его слушает не один только Плоткин, и, желая выручить издателя, попытался найти объяснение своему поступку. Хотя не было сомнений, что увиденный всеми конфликт, частично запечатленный на пленку, уже завтра будет раздут в громкую и нелепую историю.

– Не сошлись во взгляде на российский хоккей, – во весь голос сказал он, едва не морщась от усталости и отвращения к самому себе.

– А что так? – подыграл ему Плоткин, догадываясь, что Егор на ходу пытается сочинить удобоваримую версию для наставивших уши зевак.

– Ну, я говорил, что канадцы сильнее нас, а Валерий доказывал обратное. В общем, обычный мужской спор.

– Только очень горячий, – заметил Плоткин.

– Да, очень, – кисло согласился Егор. – Но ведь и тема подходящая.

Он увидел, что к нему идет Жанна, и ему сразу стало легче. И сложнее одновременно.

– Альберт, – сказал Горин, поманив издателя в сторонку, – мне что-то сегодня нехорошо.

– Да, я заметил, – сказал тот с нотками осуждения в голосе.

– Я пойду, если ты не против. А то вдруг еще что-нибудь не так сделаю.

Плоткин шагнул ближе к Егору и перешел на шепот:

– Что не поделил с хоккеистом? Бабу небось?

«Так даже лучше», – подумал Егор.

– Ты, как всегда, смотришь в корень, – сказал он.

– Будто я тебя не знаю, – самодовольно ухмыльнулся Плоткин. – Ладно, главные гости разошлись, а с остальными я сам разберусь. Иди отдыхай. Но только завтра будь у Степанкова, я тебя прошу.

– Обязательно буду, – кивнул Егор, подавая Жанне руку. – Ну, пока.

– Пока, донжуан...

Жанна улыбнулась на прощание Плоткину, но Егор уже тащил ее к выходу. Разговор с издателем заставил его напрячь все силы, и он разве что криком не кричал, бросая ему эти идиотские реплики.

Подумав, что, возможно, он еще сумеет застать Храмова на парковке, Егор оставил Жанну в холле и бегом выбежал улицу. Он промчался вдоль ряда стоящих автомобилей, заглядывая в окна, но вскоре понял, что напрасно теряет время. Хоккеист уже уехал, и вряд ли имело смысл разыскивать его по городским саунам. Все возможное Егор сделал, и теперь оставалось только надеяться, что его предупреждение не постигнет та же участь, что и многие другие.

«А может, – подумал он, – попытаться предупредить жену? Женщины по природе более осторожны, и они склонны проявлять здравый смысл там, где мужчины кидаются в амбиции и начинают размахивать кулаками».

Но тут он вспомнил молодую мамашу – и сник. Скорее всего, его и там сочтут сумасшедшим, и Храмов точно сделает из него отбивную. А потом они сядут в машину – и будет то, что будет.

Егор закрыл глаза и тихонько застонал.

– Что с тобой, Егор? – спросила Жанна, подойдя к нему.

Он посмотрел на нее, словно не узнавая.

– Тебе плохо? – спросила она.

– Очень.

Легкая тень пробежала по ее нежному лицу – как будто зыбь от порыва ветра прошлась по поверхности воды.

– Поедем домой.

– Не хочу, – покачал Егор головой.

– Что же ты будешь делать?

– Мне надо... побыть одному.

– Ты хотел поговорить, – напомнила Жанна.

Егор заколебался. Стоило ли сейчас пускаться в откровения? Он и в самом деле чувствовал себя неважно и не был уверен в том, что, начни он говорить, это принесет ему хоть какую-нибудь пользу.

Но Жанна ждала. Она смотрела так заботливо и с таким ожиданием в глазах, что Егору стало совестно пренебрегать ее участием. К тому же их столько связывало, что она имела право быть посвященной в то, что его мучило особенно сильно.

– Да, хотел, – сказал он. – Пойдем куда-нибудь.

– В сквер? Или в кафе?

– Лучше в сквер.

Они вошли в сквер и сели на лавочку.

– Жанна, то, что со мной происходит, – начал Егор, – не дает мне жить.

– Я понимаю, Егор, – мягко сказала Жанна.

– Нет, – резко сказал он. – Не понимаешь.

Она не обиделась, но и попытки заговорить больше не делала.

Егор вздохнул. Он не знал, как ей сказать. Как не сделать так, чтобы она заподозрила его в желании нарушить данное им профессору Никитину слово? Ведь тогда она наверняка поставит того в известность, а это может плачевно отразиться на дальнейшей участи Егора, и без того незавидной. Какие действия предпримет профессор, Егор не знал, но догадывался, что это будет нечто малоприятное, если не сказать хуже.

Все же он решил рискнуть. Жанна многое знает, она может дать хороший совет; а в чем, как не в добром совете, он сейчас нуждался? Ему казалось, что он запутался до последней степени и рад будет любому слову, способному вернуть ему веру в себя и, главное, объяснить, как жить дальше.

– Самое страшное в том, что я никому не могу помочь, – глухо сказал он, глядя на снующих под ногами воробьев.

– Этому парню ты тоже пытался помочь? – спросила Жанна, немного помолчав.

– Да. И ты видела, что из этого вышло. А до этого я пробовал убедить мамашу, что ее малышу нельзя пить ананасовый сок. И дождался того, что она пригрозила вызвать милицию и назвала меня сумасшедшим. Они все считают меня сумасшедшим. И знаешь, я не могу ходить по улицам и вообще находиться среди людей. Я вижу, кто и от чего умрет или погибнет; я пытаюсь им помочь, но, похоже, делаю только хуже. И себе и им.

– Но как ты можешь им помочь? – спросила Жанна. – И потом, это не входит в твою задачу...

Жанна осеклась, увидев, как изменилось лицо Егора.

– Что? – выкрикнул он. Воробьи с треском разлетелись из-под его ног. – Что входит в мою задачу?!

– Егор, успокойся.

– Нет, ты ответь. Что входит в мою задачу? Я очень хочу знать.

Жанна положила руку ему на предплечье, тихонько погладила.

– Хватит уже на сегодня. Поедем домой.

– Домой, – сказал Егор, немного успокоившись, как всегда, когда она держала его за руку и смотрела ему в глаза. – И что там? Сидеть и бояться?

– Чего бояться?

– Всего! – снова выкрикнул он, отнимая руку и отворачиваясь. – Бояться своих мыслей, бояться телевизора, бояться завтрашнего дня... Я не могу так больше, понимаешь. Не могу!

– На нас смотрят, – сказала Жанна.

Егор не ответил. Некоторое время он сидел неподвижно, глядя перед собой. Затем неловко поднялся:

– Пойдем, я провожу тебя до стоянки.

– Ты не поедешь со мной?

– Нет.

– Но... тебя ждать сегодня к ужину?

Жанна остановилась и с мольбой посмотрела на Егора.

Он через силу улыбнулся ей:

– Конечно. Конечно, ждать.

– Хорошо.

Жанна пошла дальше. Через минуту она села в машину и уехала. Егор остался один.

Постояв на месте и проводив взглядом машину Жанны, скоро затерявшуюся на шоссе, он огляделся и быстрым шагом направился в ближайший переулок. Казалось, у него появилась цель, благодаря которой на смену нерешительности пришла уверенность, столь необходимая ему сейчас, которая на время встряхнула его и придала сил. Однако же, идя, он по-прежнему старался глядеть мимо прохожих и поднимал взгляд повыше, скользя им по кронам деревьев, стенам домов и наливающимся предвечерней синевой небу.

Но даже если бы он внимательно смотрел по сторонам, вряд ли он обратил бы внимание на идущего в полусотне шагов за ним коренастого лысого мужчину в кремовом костюме. Тот был так безличен, что даже голуби – и те не спешили уступить ему дорогу. И не отражаясь он в витринах магазинов, можно было бы принять его за призрак, плывущий над теплым асфальтом.

Отец Кирилл

Через полчаса Егор подошел к небольшому православному храму, белому, с золотыми куполами, стоящему в окружении исполинских тополей чуть в стороне от улицы. Двери, ведущие в храм, были уже заперты, но Егор обогнул храм и подошел к дверям жилой пристройки.

Чуть поколебавшись, он позвонил и принялся ждать, когда откроют дверь.

Ждать пришлось недолго. Через минуту после его звонка послышались тяжелые шаги, звякнул замок и дверь открылась.

На пороге стоял пожилой священник в серой поношенной рясе. Это был представительный человек, грузноватый, с покатыми широкими плечами, красным лицом и жидкой седой бородой. Глаза его глядели несколько насупленно из-под густых бровей, но это было скорее выражение постоянного и привычного внимания, нежели настороженности или боязни.

Увидев Егора, он улыбнулся ласковой улыбкой, вмиг преобразившей его лицо и придавшей ему что-то детское, и отшагнул назад.

– Давненько тебя не было, Егор. Проходи.

Егор вошел в дверь, остановился на пороге.

– Здравствуйте, отец Кирилл...

– Будь здоров и ты, – отозвался тот, закрывая дверь. – Ну, с чем пожаловал на этот раз?

– С тем же, – тихо сказал Егор.

– Ага.

Отец Кирилл пытливо посмотрел на него – и улыбка сошла с его лица.

– Пойдем-ка в дом. Думаю, ты не просто поздороваться со мной зашел.

– Если не прогоните...

– Когда это я тебя прогонял? – спросил священник. – Обычно ты сам все куда-то торопишься.

– На этот раз я никуда не тороплюсь.

– Ну, ну...

Они прошли в глубь пристройки и оказались в жилой комнате, скромно и мило обставленной и обихоженой. Единственным предметом роскоши, если можно так выразиться, была ваза с цветами, ромашками и ирисом, растущими здесь же, в церковном саду. Все остальное напоминало корабельный кубрик, с той только разницей, что на стене висело большое, в половину человеческого роста, распятие, и повсюду – на столе, на полках, в головах кровати – лежали церковные книги.

– А у вас все по-прежнему, – заметил Егор.

– Слава тебе, Господи, жаловаться не на что, – отозвался отец Кирилл. – Да ты садись, не стой.

– Спасибо, – сказал Егор, опускаясь в старенькое низкое кресло, покрытое расшитым шерстяным чехлом.

Он удивился, как хорошо помнит его тело особенности этого кресла; и он, как старого приятеля, погладил деревянную шишечку на ручке, отлакированную тысячами прикосновений, не одна сотня из которых принадлежала и ему.

– Чаю моего выпьешь? – спросил отец Кирилл.

Егор кивнул.

Пожилой священник принялся наливать чай, будто не замечая беспокойства гостя.

– Это с липой и смородиновым листом, – сказал он, подавая Егору кружку. – Очень хорошо потом спится после него. И освежает.

Он улыбнулся своей ласково-детской улыбкой и первым сделал несколько глотков, приглашая гостя последовать его примеру.

Егор отпил чая, не чувствуя вкуса, поставил кружку на стол. Затем через силу сделал еще пару глотков. И снова поставил кружку. Взглянул вопросительно на священника, не зная, можно ли начинать разговор или следует дожидаться разрешения.

– Терпением душу смирай, Егорий, – произнес отец Кирилл, улыбаясь. – Терпением и верой.

– Какой верой, отец Кирилл? – вырвалось у Егора.

– Как какой? – удивился священник. – Божьей.

Он слегка покачал головой, как будто недоумевая, что у взрослого, умного человека могут быть сомнения в таком простом деле.

Егор позавидовал ему. Дорого он дал бы, чтобы найти в своей жизни столь же твердую опору.

– Вера есть, – сказал он. – Но только...

– Что – только? – спросил отец Кирилл.

Его лицо снова приняло насупленное выражение, и он готов был ловить слова гостя со всем вниманием, дарованным ему его небесным отцом. Сколько знал отца Кирилла Егор – а их знакомство длилось уже лет десять, – он всегда помнил у него это выражение высочайшей концентрации, призванной к исполнению наилучшим образом своего долга пастыря и духовника.

– Не все ей подчиняется, – сказал Егор.

– Вот как? – поднял брови священник.

Он поставил кружку и откинулся на спинку кресла.

– И что же ей не подчиняется? – спросил он. – Твой талант сочинителя?

– Нет, – покачал головой Егор. – С этим, кажется, все в порядке. Даже чересчур.

– Как это? – еще выше поднял брови отец Кирилл.

Егор подумал, что напрасно он пришел. Если он сам в себе не может разобраться, то чем поможет ему этот старик, безусловно, преисполненный мудрости и знания жизни, но вряд ли имеющий представление о тех стихиях, которые не имеют отношения ни к религии, ни к мирской жизни и которые подвластны лишь уму таких людей, как профессор Никитин и ему подобные. Они все были точно изгоями в человеческом обществе, и Егор с тоской в сердце подумал, что теперь до конца дней своих ему придется вести жизнь отверженного, хочет он того или нет.

– Видите ли, отец Кирилл, я не совсем тот, за кого вы меня принимаете, – избегая взгляда пожилого священника и стыдясь этого, сказал Егор.

– Вот как, – не удивился отец Кирилл. – Ну что ж, мы все не совсем те, за кого нас принимают. Главное, чтобы мы сами знали, кто мы есть.

– В том-то и дело, что я сам этого не понимаю! – воскликнул Егор.

– Ну, расскажи, попробуем понять вместе. Если ты этого хочешь, конечно.

– Очень хочу, – пробормотал Егор.

– Тогда слушаю тебя.

Егор посмотрел в его сосредоточенное, окрашенное красивой стариковской печалью лицо – и решился. Все равно кто-то должен узнать. Почему не этот старик, который имеет право на оказание ему помощи как в силу своего возраста, так и в силу своей профессии? Когда-то Егор, начинающий литератор, бездомный, нищий, одинокий в большом неприятном городе, нашел в лице отца Кирилла единственного человека, выслушавшего его и давшего возможность поверить в себя и утвердиться в своем призвании. И после, когда Егора ноги сами приносили в этот храм, отец Кирилл всегда находил время, чтобы выслушать его, успокоить и примирить с собой и с действительностью. Потом-то к Егору пришла настоящая, большая слава, и он забыл о старом священнике, лишь изредка чувствуя неудобство из-за кратких угрызений совести. Но, как обычно, он легко находил себе оправдание, и дорога в храм была на добрых лет пять забыта. И вот теперь, когда он был растерян еще больше, чем в молодые годы,

когда он не знал, что ему делать и как справиться с тяжелейшей, грозящей раздавить его ношей, он снова пришел сюда. И снова дверь перед ним открылась, и старый его друг снова готов был сочувственно внимать его словам.

Немного помолчав, Егор собрался с мыслями и приступил к рассказу.

– Только хочу вас предупредить, – сказал он, – что я сам узнал обо всем лишь три месяца назад.

Отец Кирилл кивнул, давая понять, что верит ему и ни одно произнесенное им слово не будет подвергнуто сомнению или, паче того, осуждению.

Следующие полчаса говорил один Егор. Священник выражал свое участие в разговоре только короткими кивками, когда Егор взглядывал на него особенно горячо или когда хотел дать понять, что догадывается, о чем идет речь, а так сидел без движения и без звука. Если он и был удивлен, то не подавал виду. Это лишь придавало Егору бодрости, и он выложил все без утайки, сожалея лишь о том, почему не пришел раньше и не доверился тому, кому доверялся на протяжении стольких лет и кто ни разу не подвел его ожиданий.

Из рассказа Егора отец Кирилл узнал следующее.

Двадцать пять лет назад над группой детей, обладающих экстрасенсорными способностями, был проведен эксперимент. Эксперимент этот имел целью сделать из детей провидцев, поставив их способности на службу советскому государству, которое, усиленное столь грозным оружием, должно было подняться на невиданную высоту. Проводили эксперимент профессора Никитин и Константинов, используя изобретенный ими прибор. В короткие сроки были получены потрясающие результаты. Дети прогрессировали очень быстро и буквально творили чудеса. Но из-за интриг завистников и недоброжелателей эксперимент пришлось свернуть. А далее в связи с развалом страны о нем и вовсе забыли. Детям на всякий случай провели коррекцию памяти и отправили по детдомам, откуда производился набор.

Все тем и закончилось бы, если бы год назад старое дело не всплыло на поверхность. Нашлись люди, которые узнали об эксперименте с детьми-провидцами, и эти-то люди, нечистые на руку дельцы, если не сказать бандиты, привлекли на свою сторону профессора Никитина, как раз вернувшегося из-за границы, и начали розыск бывших участников эксперимента, сопровождаемый неблагоприятными и откровенно кровавыми событиями.

Большая часть детей-провидцев к тому времени умерла – сказалась проведенная чистка памяти, а возможно, и несовершенство прибора. Но трое остались живы и даже сумели добиться определенного успеха в тех областях, которые они представляли. Один стал известным художником, второй – писателем (в этом месте отец Кирилл кивнул, понимая, о ком идет речь). Третьей выжившей оказалась женщина. Она пошла прямо по пути, предначертанном ей судьбой – или участием в эксперименте, а скорее всего, и тем и другим. Она стала экстрасенсом и пользовалась большой популярностью среди столичной знати. Впрочем, она погибла после встречи с разыскавшими ее дельцами, как погиб до нее и художник.

Остался один Егор Горин – писатель, и на его долю выпали поразительные и ужасные испытания. Пройти их ему удалось с помощью Жанны – воспитанницы и еще одной подопечной Никитина, обладавшей способностями усиливать чувственные восприятия человека.

Благодаря Жанне к Егору вернулся его дар, и он начал предвидеть некоторые события – от выигрышного номера в рулетке до предстоящей катастрофы. Это помогло ему расправиться с негодяями, вознамерившимися сделать из него своего раба и без малого завладеть миром (и их притязания отнюдь не были лишены оснований), и обрести свободу. Но дар вернулся к нему лишь частично; он скорее изводил Егора, нежели служил ему. И он, Горин, всерьез подумывал то ли о самоубийстве, то ли о какой-нибудь помощи извне, способной снова лишить его так некстати появившегося дара.

Но все изменила встреча с профессором Никитиным. От него Егор узнал, что он не безродный подкидыш и что у него были отец и мать. Более того, его отцом являлся профессор

Константинов, напарник Никитина. Фанатик от науки, Константинов начал проводить опыты над сыном, когда тому не было и трех лет, поэтому Егор во время массового эксперимента демонстрировал просто фантастические способности. Возможно, если бы эксперимент дали довести до конца, Егор стал бы выдающимся ясновидцем на службе государства, а его отец – выдающимся и, главное, признанным ученым.

Но эксперимент закрыли, отец пропал, и место его нынешнего обитания знал только профессор Никитин. Мать же Егора умерла еще во время родов. Егор познал все кошмары жизни в детдоме, после чего много лет влачил жалкое существование начинающего писателя, пока не стал известным и востребованным романистом (тут отец Кирилл снова кивнул). Эта жизнь его вполне устраивала, и он прямо сказал об этом Никитину, спросив, не может ли тот избавить его от беспокойного и не столь уж нужного ему дара. Но Никитин предложил другое. Он помогает Егору усовершенствоваться и усилить его дар, и тот становится одним из избранных, по точности предсказаний превосходящим всех когда-либо живущих на земле ясновидцев. И, конечно, использует свою силу исключительно в интересах добра, в чем искренне заинтересован сам профессор Никитин и что, кстати, и являлось целью его эксперимента.

Егор после недолгого размышления принял предложение Никитина. Тот снова применил свой прибор, и через короткое время Егор начал видеть людей и события как бы насквозь. Он мог, только взглянув в глаза человеку или на его изображение в телеэкране, с легкостью увидеть, что с ним произойдет в ближайшие дни или годы. То же было и с событиями. Стоило ему начать смотреть новости по телевизору, и он видел сходящие с рельсов поезда, падающие самолеты, наводнения, взрывы и войны. Он мог предсказать падение валютных курсов, разрыв дипломатических отношений, крах на фондовой бирже или развод в королевской семье. Мир словно уместился в его голове, как записная книжка в кармане, и для него не осталось тайн ни на одной из страниц в этой книжке.

Поначалу Горин радовался обретенной силе. Шутка ли, ведь он начал знать то, чего не знает никто! У него голова шла кругом от открывшихся возможностей. Часть из этих возможностей была воплощена им в последней книге, что тут же поставило ее в один ряд с мировыми шедеврами. Он был преисполнен горделивой радости и готовился перевернуть мир, сделав его добрым, уютным и безопасным для всех.

Но Егор быстро понял, что глубоко заблуждается. Его желание предотвратить гибель человека встречало самое ожесточенное сопротивление, ибо кто готов поверить, что завтра, или через неделю, или через год ему вдруг предстоит погибнуть? Потерпев несколько раз жестокую неудачу, он начал понимать, что его желание облагодетельствовать человечество, похоже, обречено на провал.

Егор пытался сообщать о предстоящих катастрофах в соответствующие ведомства, но вскоре понял, что, кроме неприятностей и новых осложнений, он ничего не достигнет.

Но дар уже жил в нем, мощно и неотступно. Каждый день он встречал тех, кого ждала скорая гибель, и ничем не мог им помочь. Егор словно стал пособником смерти, а ведь он хотел быть носителем жизни!

Горин не знал, что ему делать. Обращение к профессору Никитину ничего не дало. Тот советовал поменьше обращать внимания на окружающих и побольше уделять времени их занятиям. По его словам, Егору еще следовало немного подучиться, после чего он укажет, как именно тому следует применить свои способности. Но каких-либо конкретных сроков он не называл, и Егор начинал подозревать, что Никитин всего лишь желает длить эксперимент как можно дольше, оставаясь прежде всего ученым, замкнутым в своей квартире-лаборатории и мало интересующимся внешним миром.

Но жизнь Егора уже превратилась в сплошную муку! Он чувствовал постоянный страх при виде людей. Его до такой степени угнетало, с одной стороны, видение смерти ближнего, а с другой – невозможность ему помочь, что в голову ему снова начали приходить сакраменталь-

ные мысли. В самом деле, надо ли ему существовать, раз он обречен на эту бесконечную пытку? Есть ли какой-нибудь смысл в его даре, если он способен делать его носителя лишь несчастным существом, вынужденным молча наблюдать, как одно за другим, как сцены в фильме ужасов, сбываются его самые мрачные предсказания?..

Тут Егор замолчал, понурившись, и отец Кирилл не сразу нарушил его молчание. Они как будто думали каждый о своем, хотя не было сомнений, что старый священник уже начал перерабатывать в своем уме и сердце рассказ Егора.

– И что ты намерен делать? – спросил негромко отец Кирилл.

Егор поднял на него глаза.

– То есть... вы верите мне?

Отец Кирилл пожал плечами:

– А почему я не должен тебе верить?

– И вы не считаете меня сумасшедшим? – недоверчиво спросил Егор.

Отец Кирилл улыбнулся.

– Я видел много сумасшедших, – сказал он. – И знаю, что это такое. И поверь, к тебе это не имеет никакого отношения.

– Спасибо! – с чувством сказал Егор.

– Да вроде бы еще не за что, – ответил отец Кирилл.

Егор порывисто сдвинулся на край кресла.

– Но тогда вы понимаете, что со мной происходит? – спросил он.

– А что с тобой происходит? – спросил отец Кирилл.

– Как! – воскликнул пораженный Егор. – Но я же вам только что...

– Да, я все слышал. И что с того?

– Как что с того? – растерялся Егор.

– Что с того? – спросил отец Кирилл. – Да, ты наделен особым даром. Но ведь много кто наделен особым даром. Пусть не таким, как у тебя, пусть другим. И что дальше?

– Я даже не знаю, что вам сказать, – пробормотал сбитый с толку Егор.

– И прекрасно, – кивнул отец Кирилл. – И не говори. Ты и так много сказал. Ты лучше подумай.

– О чем?

– О своей слабости.

– Слабости?

– Именно. Господь послал тебе испытание, а ты, еще не пройдя его и наполовину, уже готов сломаться и пасть на колени. Разве это не слабость?

– Но ведь я говорил вам, как мне трудно...

– Всем трудно. Бабушке с клюкой трудно, инвалиду-колясочнику трудно, человеку с обостренной совестью трудно; а ведь таких, слава богу, немало. Если я начну перечислять тебе всех, кому трудно, у нас с тобой пальцев на обеих руках не хватит. И что? Все живут, ибо надо жить. И надо терпеть. А как же иначе?

– И все?

– Ну почему – все? Терпи, но дело свое делай. Так я разумею. И раньше именно это тебе и говорил. Ты разве не помнишь? Ведь благодаря этому ты стал тем, кем хотел стать. Разве не так?

Егор почувствовал, что краснеет.

– В общем, да...

– Что же ты сейчас вопиешь о своем якобы несчастье? – строго спросил отец Кирилл. – Ты получил от Господа бесценный дар и полагаешь себя самым несчастным человеком на земле. Не понимаю.

– Но ведь я говорил вам! – воскликнул Егор. – Дар я получил, но что толку? Никто не слышит меня, сколько бы я ни кричал...

– А ты не кричи, – перебил его отец Кирилл. – Кричать – это гордыня непомерная. Не надо пытаться возвыситься над себе подобными.

– Но ведь я... – снова растерялся Егор. – Я только хотел помочь.

– Изменять промысел Божий не значит помогать, – возразил отец Кирилл.

– Промысел Божий?..

– Именно. А ты как думал? Все, чему суждено сбыться, – сбудется. И нечего мучить себя, пытаясь разрешить эту задачу. Не по плечу она тебе, Егор. И никому не по плечу.

– Но если ребенок... – тихо начал Егор.

– Ребенка жалко, не спорю, – кивнул отец Кирилл. – И всякого другого жалко. Но тебя одного на всех не хватит. Вот что ты должен понять. Поэтому и не рвись напрасно, а лучше слушай свое сердце.

– Сердце?

– Да. Оно подскажет. Будет и твой час, не сомневайся. И дар твой поможет там, где должен помочь. Но только так, а не иначе. Поэтому не сетуй на судьбу, а смирись и неси свой крест, как несет его всякий другой.

– Это ваш совет?

– А ты чего ждал? Чтобы я посоветовал тебе сигануть с моста? Нет уж, милый. Люди и не с таким справлялись, поверь мне. Попей-ка лучше еще чаю и выкинь свою дурь из головы.

Егор машинально взял кружку, сделал глоток, ощутил терпкий приятный вкус. Ему вдруг словно стало дышать полегче, и глаза будто шире открылись.

– А может, – поднял он голову, – мне на время куда-нибудь спрятаться? Подальше от людей.

– Куда, например? – поинтересовался отец Кирилл.

– Ну, не знаю... В монастырь какой-нибудь.

– По-твоему, монахи не люди?

Отец Кирилл улыбнулся, улыбкой сглаживая грубость вопроса.

– Нет, – осекся Егор. – Я не то хотел сказать. Я думал, может, в лес, как жили отшельники, чтобы совсем никого. Может, мне там станет легче?

Отец Кирилл покачал головой, как качают головой взрослые люди, слушая речи ребенка, рассуждающего о том, о чем он имеет самое далекое представление.

– Кажется, Аристотель сказал: «Чтобы жить в одиночестве, надо либо во многом походить на Бога, либо во всем – на скота». На последнего ты, безусловно, не похож, но и схи́ма не для тебя. Не думаю, что ты смог бы жить в изоляции. Да и зачем? У тебя свой путь, Егор, и не стоит его менять ни на чей другой. И пото́м – ни себя, ни Бога не обманешь. Поэтому смири сердце и живи среди людей. Авось тут и найдешь свое счастье. Один раз ведь уже нашел. Будет и второй.

Лицо старого священника осветилось улыбкой, в которой одинаково присутствовали доброта и лукавство. Он взял свою кружку и принялся допивать чай с видом человека, сделавшего свою работу и заслужившего право на маленькое удовольствие.

– Как у вас все легко, – сказал Егор. – Я думал, вы станете призывать меня к покаянию.

– Каяться тебе пока не в чем. Разве что в небольшой забывчивости.

Егор снова покраснел:

– Простите, отец Кирилл.

Священник поднял руку:

– Не винись. Лучше приходи еще. Ты знаешь, двери мои всегда для тебя открыты.

– Да, знаю, – пробормотал Егор. – Спасибо.

– А книги твои последние я читал. Сору много, но писано сильно. Молодец. – Отец Кирилл одобрительно кивнул.

Только Егор собрался ответить, как дверь открылась и в келью заглянула не старая еще женщина, туго повязанная платком вокруг худого, большеглазого лица.

– Я там убралась, батюшка, – сказала она, коротко и ласково поклонившись Егору. – Пойду домой.

Егор вздрогнул, и отец Кирилл быстро глянул на него.

– Хорошо, Настасья, ступай.

Женщина еще раз поклонилась и затворила за собой дверь.

– Что? – повернулся отец Кирилл к Егору.

Тот замялся.

– Увидел что? – спросил священник.

– Да...

– Что?

– Может, не надо? Все равно без толку.

– Говори, – спокойно потребовал отец Кирилл.

– Эта женщина, Настасья... Ее муж ночью будет курить пьяный в постели, уснет, подожжет матрас, и начнется пожар. Их дом сгорит, и они оба погибнут.

– Когда это произойдет? – спросил отец Кирилл.

– В следующую ночь.

– Хорошо, я скажу ей.

– И все?

– А что еще?

– И вы не спросите подробности? Откуда я это знаю, как я это увидел? Может, я все просто сочинил, а вы взяли и поверили.

– Ты и так сказал все подробности, – возразил отец Кирилл.

– Какие?

Отец Кирилл покачал головой.

– Во-первых, – загнул он палец, – Настасья живет вдвоем с мужем, их дети разъехались кто куда. А ведь про погибших детей ты ничего не сказал, верно?

Егор кивнул, чувствуя, как долгожданное облегчение входит в его душу.

– Во-вторых, – продолжал священник, загибая пальцы, – муж у нее и вправду пьет горькую, частенько без меры. В-третьих, у них дом в подмосковной деревне, и они иногда туда приезжают. Ничего этого ты знать не мог, но увидел все в точности. Как же я могу тебе не поверить?

– Да, действительно, – вынужден был согласиться Егор.

– Говорю тебе: не мучайся напрасно. Там, где твоему дару суждено примениться, он применится. Ибо и на это есть воля Божья.

– Возможно, – пробормотал Егор.

Он посмотрел на отца Кирилла с каким-то новым чувством, в котором явственно забрезжил лучик надежды.

– А вам она поверит? – спросил он, сделав ударение на слове «вам».

– А как же, – удивился отец Кирилл наивности его вопроса. – Кому же ей еще верить, как не мне?

И столько в его словах было уверенности, прежде всего не в себе, а в своей прихожанке, что Егор не нашелся, что ответить. Да и что он мог сказать? Отец Кирилл владел одним из величайших даров – даром убеждения. Без видимых усилий, казалось, одной только добротой души, он менял ход мыслей человека и давал им совершенно иное направление. Егор вспомнил, каким раньше он приходил к отцу Кириллу: встрепанным, больным, загнанным, а уходил

спустя час или того меньше с полной уверенностью в том, что все идет как надо, и он сумеет добиться своего. Как это удавалось отцу Кириллу, он не пытался понять. Ему достаточно было того, что тот выслушивал его и возвращал ему утраченную надежду. И, похоже, сейчас происходило то же самое. Егор еще не покинул стен храма, а уже чувствовал, что выйдет на улицу без бывшего страха и, возможно, сумеет противопоставить своим сомнениям некую иную суть, основанную прежде всего на новом понимании хода вещей. И на знании той отрадной истины, что где-то на земле живет скромный священник, который всегда примет его, обогреет и поймет.

– Что будешь делать, Егор? – спросил отец Кирилл, видя, что посетитель задумался.

– Терпеть, – улыбнулся тот. – Как вы велели.

– И дело велел, – отозвался отец Кирилл. – Смирение есть самая лучшая защита от всех бед. А то ведь и так можно посмотреть, что беда – и не беда вовсе, а радость великая. Надо только себя меньше жалеть и обращать внимание на частное, сиюминутное. А там, глядишь, и откроются глаза-то, и повернутся в нужную сторону. Ты только верь, Егор, и слабости не поддавайся.

– Это легче на словах бывает... – заметил Егор.

– А ты о молитве не забывай. «Отче наш» читаешь на сон грядущий?

– Редко, – признался Егор.

– А ты читай, читай. Слово Божье силу имеет, когда ты с ним к Господу обращаешься. Не забывай, Егор, что всё – от Бога. И земля, и люди, и звезды на небе, и твой дар, и дар Эйнштейна с Бетховеном, и сон разума, который рождает чудовищ, и болезни, и рождение, и смерть – все! Поэтому ничему не противься и принимай случившееся как должное, ибо это и есть воля Божья. Поймешь сие – получишь успокоение и подлинную силу. Так-то.

Священник говорил, и Егору становилось все покойнее и покойнее на душе. Как будто самые ее дальние углы осветились яркими лучами, и от них бежали скопившиеся там страхи и сомнения, подлинные и надуманные. Она, его душа, как будто становилась легче и чище, и каждое слово отца Кирилла падало на освобожденную в ней почву полновесным зерном.

– Ну, – спросил отец Кирилл с прямою, когда-то удивившей и обезоружившей Егора, – полегало тебе?

– Кажется, да, – кивнул Егор.

– Вот и хорошо. Зайдешь еще... чайку попить?

– Обязательно.

– Я тебя другим угощу, с душицей и горечавкой. Это, я тебе скажу, нечто. У меня прихожанки есть травницы, так они все меня балуют. А чего? Я не против. Иной раз выпьешь чашечку – и никакие лекарства не нужны. Все болезни как рукой снимает.

– А молитва как же? – улыбнулся Егор.

– А молитва для души, – улыбнулся и отец Кирилл, видимо, радуясь оживлению своего гостя. – Тут ведь одно второму не мешает.

Он поднялся, тяжело опершись на подлокотники кресла, и Егору только сейчас бросилось в глаза, как постарел и одряхлел его духовник. «Не зря про болезни заговорил, – подумал он с жалостью, – должно быть, одолевают».

– Может, помочь вам надо чем-нибудь, отец Кирилл? – спросил Горин.

– О чем это ты? – наморщил лоб священник.

Егор смутился:

– Ну, деньгами, например. На лекарства...

– Имеешь лишнее – пожертвуй храму, – серьезно сказал отец Кирилл. – А мне достаточно того, что есть. Авось Господь не оставит своей милостью.

Он широко перекрестился на распятие, и Егора умилила искренность этого жеста.

Он тоже поднялся.

– Пойду я.

– Как знаешь, – не стал задерживать отец Кирилл.

Он молча проводил его до дверей, выпустил на улицу.

– А славный сегодня вечер, – сказал священник, нюхая воздух, в котором угадывались запахи цветов и размякших от солнца тополей. – Совсем как в моей молодости.

– Да, хорошо... – отозвался Егор.

Он с жадностью осмотрел улицу, стволы деревьев, пробегающие автомобили, силуэты прохожих. Все это внезапно показалось ему родным и понятным, и он искренне удивился, что мог находить пугающее в таких простых вещах, как шагающие по улице люди.

– До свидания, отец Кирилл, – сказал Горин, стараясь голосом выразить всю глубину своей благодарности.

– До свидания, Егор, – ответил, ласково кивая, старый священник. – Иди с миром.

Он перекрестил Горина, повернувшегося к нему спиной, и постоял в дверях, глядя ему вслед.

И только когда батюшка закрыл дверь, с лавочки неподалеку поднялся плотный лысый мужчина, бросил в урну обертку от мороженого и неспешно двинулся вдогонку за Егором.

Ультиматум

Егор между тем шел по улице и осторожно приглядывался к людям.

Солнце уже закатилось, но было еще достаточно светло, чтобы он мог ясно видеть лица встречаемых пешеходов. Нескольких человек он встретил и проводил спокойным взглядом, но вот молодой мужчина, мускулистый, рослый, заставил его вздрогнуть и отвести взгляд. На лице Егора возникло замешательство, шаг его замедлился, и руки беспокойно задвигались, теребя пуговицы на рубашке. Но вслед за тем он вспомнил недавний разговор – и внутри точно что-то разжалось. Не оборачиваясь, он прибавил шагу, и когда впереди возникла парочка средних лет, идущая ему навстречу, он не стал отводить взгляд, как делал это раньше, а твердо посмотрел в глаза сначала мужчине, потом женщине. И легко прошел мимо них, и даже ответил на мимолетную улыбку женщины, польщенной его вниманием.

Разминувшись с ними, Егор улыбнулся шире и пошел свободнее. Его руки расслабились и легче заходили вдоль тела, плечи распрямились и подняли голову. Он начинал понемногу понимать, о чем говорил отец Кирилл, и подумал, что до самых простых вещей человек иногда не в состоянии дойти, хотя и может прочесть сотни умных книг, написать пару десятков романов и прослыть записным интеллектуалом, чьи выражения подхватываются и цитируются направо и налево.

Еще несколько встреч прошли с разной степенью напряжения, но все закончилось благополучно. Один раз, правда, Егор едва не задержал девушку-подростка лет четырнадцати, раскрашенную всеми цветами радуги и одетую весьма вызывающе. Но он заставил себя пройти мимо, хотя сначала побледнел и снова начал выписывать восьмерки на асфальте.

Впрочем, на этот раз Горин справился с волнением довольно быстро. Он просто заставил себя подумать о том, что все это ему снится, – а ведь нет ничего более бессмысленного, чем реагировать на сон какими-либо действиями. Да, что-то привиделось, пускай даже сверхотчетливое, поражающее ясностью последовательно меняющихся событий. Ну и что? Как это можно изменить? Оно уже есть, и надо примириться с тем, что ничего с этим поделать нельзя. И чувства здесь – самый плохой советчик, ибо, поддавшись им, единственное, чего добиваешься, это очередного болезненного разочарования и, как следствие, душевной смуты и целого букета разнообразных страхов. Другими словами, ты не только не помогаешь людям, бросаясь к ним со своими советами, а лишь действуешь во вред себе.

Повеселев, хотя девушку-подростка и нелегко было забыть, Егор подошел к станции метро.

В последнее время он избегал общественного транспорта, особенно метро. В ярком освещении подземки лица обреченных людей особенно ярко бросались ему в глаза, и он чувствовал себя среди них и палачом, и жертвой, не зная, как рассказать им всем о том, что их ждет, и не попасть при этом под волну их гнева, вполне объяснимого.

Но сейчас он решил, что надо себя испытать. Прогулка по улице показала ему, что с единичными явлениями он может справляться. Стоило ему лишь направить мысли в другое русло и несколько раз пересилить себя – и через четверть часа он начал глядеть на людей гораздо свободнее, а главное, без того чудовищного напряжения, с которым смотрел на них до сих пор.

Но то – на улице, где встречи проходят одна за другой, с перерывами, и дают возможность перевести дух. Другое дело – метро, где скопище людей и десятки направленных на тебя глаз. Там даже спрятать взгляд некуда, разве что сидеть, зажмурившись, или делать вид, что читаешь газету. Тогда не лучше ли не начинать эти мучения и сесть в такси, где единственный взгляд, который он встретит, это взгляд таксиста, который можно легко и безболезненно игнорировать?

И все-таки Егор решился. Он чувствовал, что сейчас ему все удастся. Разговор с отцом Кириллом окрылил его и если не изменил кардинально (такое все же невозможно проделать за один раз со взрослым человеком), то дал ему оружие, способное, как он уже убедился, защищать его от самого себя.

Егор вошел в вестибюль станции, купил разовый билет, прошел вертящиеся рога турникета и встал на ступеньки эскалатора. Пассажиров было еще довольно много, хотя час пик уже прошел. На каждой ступеньке стояло по человеку, а мимо него, прижимая к себе сумки и портфели, непрерывной цепочкой бежали вниз молодые люди и крепенькие мужчины без возраста. Их затылки ничем ему не угрожали, и Егор принялся всматриваться в лица поднимающихся пассажиров.

Это оказалось нелегким испытанием. Уже на первых двух десятках разнообразных физиономий на Егора навалились такие вереницы видений, что он резко повернул голову и начал разглядывать рекламные щиты, чувствуя, что задыхается и что его страх растет по мере того, как он спускается все ниже.

«А что будет в вагоне? – подумал он с ужасом. – Я этого не выдержу. Надо доезжать до конца эскалатора – и сразу же ехать обратно. Может, в другой раз, в другой раз... Но только не сейчас».

Испытав некоторое облегчение от этого решения, Егор почувствовал вслед за тем стыд. Что же, он так и будет шарахаться от своих страхов дальше? Стоит ему раз оказаться в плену своих сомнений, и он опять не найдет дорогу к выходу. И что, снова бежать к отцу Кириллу, получать новую порцию успокоения, растрачивать ее в один присест, оказавшись на улице, возвращаться в церковь – и так без конца? Но отец Кирилл сказал ему все, что хотел сказать, и вряд ли ему есть что добавить. И теперь дело за ним, Егором. Хочешь стать сильным – стань им, а не прячься за умение находить оправдания своим слабостям.

Егор коротко прочел слова молитвы, положил на себя крест где-то в области живота и покосился на встречный поток пассажиров. Одно лицо, второе, третье... И снова в глазах вспыхнул калейдоскоп видений.

Вот тот крупный, с животом, вытянулся на больничной койке – синий, хрипящий, на последнем издыхании, и врачи бессильно опустили руки...

А тот, что ехал через четыре человека за ним, приземистый, черный, с беспокойным взглядом вечного скитальца, – ломая доски, полетел со стропил вниз, и череп его раскололся о бетонный выступ, как сырое яйцо...

Егор вздохнул, задерживая эти видения, замедляя их и как бы отстраняя от себя.

Это будет, или было, или, по воле Божьей, этого никогда не произойдет – все равно он знать всего не может. А значит, зачем все это брать на себя? Не проще ли, не разумнее, как советовал отец Кирилл, положиться на то, что стоит выше всех нас, и снять с себя ненужную ответственность, раз и навсегда избавившись от пустых, бесконечных, как жизнь человека на земле, страданий? Он ведь и в самом деле не Господь Бог, а всего лишь его слуга, как и каждый живущий. И не значит ли это, что надо всего лишь ждать Его повелений, а не заскакивать наперед со своей инициативой и воображать себя тем, кем себя воображать вообще не позволено?

Обуреваемый новым потоком мыслей, в котором он как-то перестал обращать внимание на выплывающие снизу лица, Егор достиг конца эскалатора.

Постояв немного возле будки диспетчера и глядя, как сквозь пелену тумана, на огибающий его и нетерпеливо толкающий поток пассажиров, он сориентировался по указателю и направился к посадочной платформе.

Желание подняться наверх, убежать, скрыться – снова в первую очередь от самого себя – ослабело, как слабеет боль от сильнодействующего лекарства. Он понял, что, приложив еще какое-то количество усилий, сумеет побороть в себе эту зависимость от последствий его дара и, возможно, взглянет на него с другой стороны. Конечно, на это потребуется время и переосмыс-

ление прежних воззрений, в том числе и тех, которые казались до сего дня незыблемыми. Что ж, он готов к переменам. Он видел, что стоит на верном пути, и был счастлив, что не свернул с него минуту назад.

С гулом подлетел поезд, распахнул двери, выпуская порции пассажиров и заглатывая новых.

Егор вошел в вагон, встал у противоположных дверей. Вагон был полон, пассажиры стояли в проходе и плотной группой толпились у выхода. Тут же началась обычная перекидка взглядами, от пещерных времен позволяющая людям идентифицировать друг друга.

Егор не без внутреннего трепета вступил в эту перекидку, для многих, занятых своим мыслями, почти не обременяющую их сознание и проходящую на подсознательном уровне. Но его сознание работало с неистовой силой.

Точно вспышки молнии, то тут, то там начали возникать знакомые картинки.

Вон та женщина...

А тот юноша...

А тот пожилой мужчина...

Но Егор уже начал понимать, как с этим можно бороться.

Первое: не думать, что все это ложится мертвым грузом на его совесть. На это есть другая инстанция, и с ней в первую очередь надо считаться и соотноситься.

Второе: начиная воспринимать все чуть спокойнее, Егор вдруг осознал, что не так уж много обреченных он видит вокруг себя. Да, были в вагоне те, кому судьба уготовила страшный сюрприз. Но таких несчастных на вагон было всего несколько человек. И несчастными, они, естественно, себя не чувствовали, что еще раз убедило Егора в том, что не подходит ему, ничтоже сумняшеся, вмешиваться в постороннюю жизнь, привнося в нее только тревогу, но отнюдь не избавление от того, чему суждено свершиться.

Третье: он вдруг подумал о том, что виденные им смерти во многих случаях стали лишь закономерным исходом не совсем праведной жизни, и, значит, снова не ему решать, кому жить, а кому умереть.

Думая об этом, он почти окончательно успокоился. Глаза его перестали лихорадочно метаться по лицам пассажиров, и он наконец смог ощутить, что является одним из многих, но не единственным и особенным.

Да, он знает то, чего не знает никто. Но и он не знает того, что ему не позволено знать. А значит, они все здесь равны, и это, в свою очередь, дает ему право освободиться от взваленной на себя ответственности – если не целиком, то хотя бы в отношении своего стремления непременно навязывать ничего не подозревающему ближнему свое желание спасти его любой ценой. Он мог наконец среди себе подобных дышать полной грудью и не переживать по поводу того, что он чем-то этого не заслуживает. И он мог наконец спокойно подумать о собственном будущем.

Тут он не мог не улыбнуться. Да, он без труда видел будущее любого человека и мог предвидеть самые невероятные события. Но знать наперед то, что произойдет с ним самим, ему было, увы, не дано. Он мог коррелировать свое будущее лишь в связи с появлением в своей жизни того или иного человека, судьбу и действия которого он мог предугадать, или с событиями, которые он смог предвидеть и в которых мог принять участие. Но только исключительно таким образом ему было позволено управлять своей жизнью, не иначе. И в этом тоже он ясно увидел ограниченность своего дара, отнюдь не уравнивавшего его с высшими силами, но ставившего на одну доску с обычными смертными.

«Впрочем, – подумал Егор, – может, Всевышнему тоже не дано знать, что через квинтильоны лет произойдет с ним самим? И в этом как раз мы с ним равны».

Мысль его позабавила, хотя она явно отдавала святотатством и вряд ли понравилась бы отцу Кириллу. Но она уже тем была хороша, что Егор получил возможность рассуждать отвлече-

ченно и оригинально, то есть в своей привычной, ставшей уже знаменитой манере, и это лучше всего иного подтверждало его возвращение к себе прежнему.

Задумавшись, Горин отдался ритмичному покачиванию вагона и перестал обращать внимание на окружающих. Люди выходили, входили, но паника не одолевала его, как прежде, и если перед ним чередой ярких вспышек возникало очередное видение, он лишь покорно опускал веки – и через минуту снова мог спокойно глядеть вокруг себя.

Устроившись на уголке сиденья в самом конце вагона, за ним внимательно наблюдал мужчина в кремовом костюме. Для этого ему не надо было прятаться за газету, или за чье-то плечо, или прибегать к иным уловкам. Он просто выбрал идеальную позицию, как тигр выбирает место для засады, и спокойно разглядывал то, что его интересовало. А когда Егор направился к выходу, доехав до станции «Красные Ворота», он также спокойно встал и вышел вслед за ним.

Через пять минут Егор подошел к жилому дому на улице Чаплыгина. Открыл своим ключом кодовый замок подъезда и по высокой мраморной лестнице поднялся на второй этаж.

Здесь было тихо и сумрачно, невзирая на исправно работающие светильники; казалось, в этом старинном доме никто не живет. Но дом был населен, а тишина объяснялась циклопической толщиной кирпичных стен, сквозь которые не проникал ни один звук.

Егор отпер дверь квартиры слева и вошел в прихожую. Включил свет, мельком огляделся.

Как и подъезд, эта квартира казалась необитаемой. Высокие потолки, того и гляди, готовы были ответить эхом на самый тихий звук. Из мебели здесь были только настенная вешалка и шкафчик для обуви, оставшиеся от эпохи брежневского социализма. Но паркет был натерт до зеркального блеска, и из коридора тянуло запахом недавно сваренного кофе и табака.

– Егор? – послышался сильный, глуховатый голос.

– Да, – отозвался тот.

Дверь одной из комнат открылась, и из нее вышел высокий, очень худой – кожа да кости – человек. Он был сед и иссечен морщинами, но от его желтых глаз исходила мощная магнетическая волна, а движения были хотя и несколько замедленны, но уверенны и точны.

– Почему так поздно и без предупреждения? – строго спросил он, закрывая за собой дверь комнаты.

– Извините, профессор, – сказал Егор, – надо было поговорить.

– До завтра это не могло подождать?

– Нет.

Некоторое время профессор Никитин – а это именно к нему пришел Егор – с сомнением, к которому примешивалось недовольство человека, вынужденного оторваться от более важных дел, смотрел на гостя. Затем он улыбнулся, обнажив желтые крепкие зубы, и толкнул дверь соседней комнаты.

– Ну что ж, проходи.

Егор вошел в комнату, оказавшуюся гостиной. Обои в полоску, диван-книжка с деревянными спинками, низкие неудобные креслица на деревянных же ножках, столик между ними с бронзовой пепельницей в виде лаптя и старыми журналами, стенка красного дерева, телевизор «Рубин», ковры на полу и на стене, громадная люстра на шесть плафонов, из которых сейчас горели только два.

Профессор уселся в одно из кресел, достал из кармана сигареты «Космос», прикурил от спички, загасив ее резким выдохом.

– Чего стоишь? – обратился он с нотками раздражения к Егору. – Садись.

Егор сел в жесткое кресло, затрещавшее пружинами, и вдруг подумал о том, что не знает, как начать разговор. До этого он бывал здесь только на правах ученика, и новая роль – равноправного партнера – была ему непривычна.

«Что ж, – подумал он, – сегодня день перемен. И вообще, сегодня мой день. Так что – смелее».

– Ну, что за срочность? – проворчал Никитин, выпуская струю дыма.

– Скажите, – начал Егор, – зачем вы сказали мне три месяца назад, что находитесь при смерти? Насколько я знаю – *а я знаю* – в ближайшие годы вам ничего серьезного не грозит.

Он покосился на сигарету профессора.

Тот, словно не услышал его слов, стряхнул пепел в пепельницу и вытянул свои худые ноги.

– Это хорошо, что не грозит, – сказал он.

– Лгать было зачем? – напрямую спросил Егор.

Никитин покосился на него. В его взгляде – орлином, немигающем – просквозила мимолетная растерянность, и это почему-то встревожило Егора. Вообще он ожидал подобной реакции. Но профессор был растерян сильнее, чем думал Горин, а его молчание служило тому лишним подтверждением. И чем он мог ответить, будучи прижат лопатками к полу, Егору оставалось только догадываться.

– Я знал, что ты рано или поздно об этом спросишь, – сказал спокойным тоном Никитин.

Он сделал паузу, хорошенько затянувшись раз, другой. И оба раза неторопливо и длинно выпустил струю дыма.

Егор молча ждал продолжения.

– Суть не в том, Егор, лгал я или нет, – произнес так же спокойно профессор, и Егору даже почудились нотки облегчения в его голосе. – Суть в том, что ты решился продолжить эксперимент. Мой эксперимент! А ради этого, поверь, я готов был на все.

– Верю, – усмехнулся Егор.

Никитин испытующе посмотрел на него. Казалось, он хочет проникнуть в его мысли, и Егор с веселой злостью подумал, что как раз это-то у профессора не выйдет. Может, он и сумел настроить его мозг на волну приема информации самого непостижимого свойства, но заглянуть ему в мозг профессор не сможет, как бы он того ни желал.

– Ты напрасно смеешься. Знаешь, я часто думал о том, что ты до конца не понимаешь всей важности нашей с тобой работы.

– Велика важность! – возразил Егор. – Знать, когда кто умрет или где рухнет очередной самолет... Честно говоря, я мог бы прекрасно жить и без этого.

– Вот видишь, – грустно покачал головой Никитин. – А я положил на это всю жизнь. И твой отец, между прочим, тоже.

Егор нахмурился, точно от прикосновения к больному месту.

– Кстати, об отце. Я хочу его видеть, – сказал он.

– Но...

– Вы обещали! – повысил он голос. – Вы сказали, что, когда я буду готов, вы дадите мне возможность встретиться с ним.

– А ты готов? – спросил Никитин, с сомнением глядя на него.

– Думаю, что да.

– А я думаю иначе.

– А мне все равно, что вы думаете.

– Даже так?

– Именно так.

Никитин сильным движением раздавил окурок в пепельнице, подтянул рывком ноги.

– Что с тобой произошло, Егор? – спросил он. – Ты кого-то видел сегодня?

Он уставился на Егора своими немигающими глазами, но тот и не подумал отвести взгляд.

– Я много кого видел сегодня, – сказал он. – Вы разве забыли, что у меня была презентация?

– Ты что-то хочешь скрыть от меня, – сказал Никитин, проигнорировав его ответ.

– Не больше, чем вы от меня, – отпарировал Егор.

Никитин поморщился – ответ Егора прозвучал откровенно грубо, и в нем ощущался вызов.

– Хорошо, – сказал профессор, – не будем пререкаться.

– Не будем, – кивнул Егор.

– Я так полагаю, что если ты пришел на ночь глядя, то у тебя есть какие-то предложения.

Верно?

– Верно.

– Слушаю тебя.

– Одно предложение вы уже слышали, – сказал Егор. – Я хочу встретиться с моим отцом.

В противном случае я отменяю встречи с вашими клиентами.

– Звучит как ультиматум, – заметил профессор с улыбкой.

– Можете считать это ультиматумом, – кивнул Егор. – Как вам угодно. Так вот, я должен увидеть своего отца.

– Это я уже понял, – с легкой досадой сказал профессор. – Что дальше? Или это все?

– Не все, – сказал Егор. – Я заканчиваю участие в *вашем* эксперименте.

– Вот как? – удивился профессор. – Можно узнать, почему?

– Можно.

Егор поднялся и подошел к окну. Он отвел краешек гардины и выглянул на улицу. И вдруг почувствовал себя точно в клетке в этой застывшей в прошлом веке комнате, с сидевшим посреди нее иссохшим, похожим на мумию человеком, с которым его связывали некие на первый взгляд ни к чему не обязывающие, не стоящие на поверку даже честного слова, но тем не менее прочные, как стальные нити, отношения. И ему так захотелось немедленно разорвать эти нити, вытащить их из своей плоти и души, что он едва не ударил изо всех сил по оконной раме, желая как можно быстрее оказаться по ту сторону клетки, – там, где видны были сиреневые силуэты людей, спешащих по своим, самым обыкновенным, и потому бесценным делам, где бесшумно катились машины, мигая красным, оранжевым и белым, и где он совсем еще недавно был так беспечен и счастлив.

Егор вздохнул и повернулся к застывшему в позе воплощенного терпения профессору Никитину.

– Я устал, – сказал он тихо. – Вероятно, все это было задумано с прицелом на какие-то великолепные планы. Вероятно, вы в самом деле желали осчастливить человечество. Но мне с вами не по пути. Я устал быть приёмником чужих бед и страданий. Мне хочется думать и действовать самому.

– Но в чем же дело... – воскликнул профессор.

Егор властно поднял руку – и профессор затих.

– До сих пор я только и делал, что исполнял все ваши распоряжения.

– Они, кажется, пошли тебе на пользу, – пробормотал Никитин.

– Возможно, – согласился Егор. – Я стал владеть своим даром гораздо искуснее, чем прежде. Я вижу то, что мало кому суждено увидеть. И иногда я чувствую себя так, словно работаю заместителем у Бога. Но только дело в том, уважаемый профессор, что сделать мне ничего не суждено. Ни спасти от скорой смерти человека, ни предотвратить аварию, ни отвести тайфун – ничего!

– Ты хочешь слишком многого, – сказал задумчиво профессор. – Хотя от тебя требуется так мало...

– Да? – иронически спросил Егор. – И что же? Давать прогнозы вашим клиентам?

– Почему ты называешь их клиентами? – поморщился Никитин. – Это участники эксперимента, не более.

– И вы хотите сказать, что ничего не получаете от этих участников? – саркастически спросил Егор.

Никитин только пожал плечами.

– Я получаю лишь то, что требуется для продолжения эксперимента...

– А-а-а! – закричал Егор. – Сколько можно слушать про ваш эксперимент? Я больше не желаю про него говорить! Понимаете? НЕ ЖЕЛАЮ!

– Хорошо, – не стал спорить профессор. – Если ты считаешь, что нашей работе пора положить конец, я не стану тебя разубеждать. Но у меня есть последняя просьба, которую ты должен исполнить.

– Только в том случае, если вы скажете, где мой отец, – тут же заявил Егор.

– Договорились, – кивнул профессор. – Итак, завтра ты встретишься здесь с одним человеком и расскажешь мне, что его ждет. Я даю тебе адрес твоего отца – и далее можешь действовать так, как считаешь нужным.

Егору почудилось неладное в том, что профессор так быстро согласился с ним. Пытаясь вызнать, что тот задумал, Егор направил на него «антенны» своего дара, надеясь, что сумеет в случае возможных осложнений увидеть их и предпринять меры предосторожности. Но все, что он смог уловить в расплывающихся картинках, – это лицо профессора и какого-то смутно знакомого человека, полного и немолодого. Это, скорее всего, был завтрашний посетитель, с которым предстояло встретиться Егору. Но больше ничего не просматривалось. Никитин оборудовал свою квартиру специальными, им же изобретенными, экранами, препятствующими распространению сенсорных волн. И благодаря им он мог скрывать от Егора некоторые тайны своего будущего, нажав спрятанный где-то тумблер.

– Хорошо, – сказал Егор. – Я согласен.

Он решил, что встреча с профессором и его гостем ему ничем не грозит, независимо от того, удалось ему что-то разобрать в течение последующих дней жизни Никитина или нет. Он заедет на четверть часа, сделает прогноз, возьмет адрес – и на этом их сотрудничество закончится.

– Во сколько мне быть у вас? – спросил он.

– Как обычно, в девять, – ответил профессор.

Он поднялся с кресла, худой, собранный, похожий на сильно тронутый ржавчиной, но еще годящийся в работу гвоздь, вздернул насмешливо голову.

– Значит, решил бросить старика? – спросил он.

– Профессор, я устал, – повторил Егор. – Мне нужен перерыв.

– Или свобода? – усмехнулся Никитин.

Егор снова ощутил легкое беспокойство. Профессор если и был выбит из колеи, то не подавал вида. Хотя можно было только догадываться, какую потерю для него представлял уход подопечного.

«Возможно, – подумал Егор, – у него есть на примете кто-то еще, на ком он может испытывать свой прибор. А возможно, он сам понимал, что расставание близко, и сумел подготовиться к этому. Как бы там ни было, завтра для нас обоих все кончится».

Он так и не ответил на последний вопрос Никитина, задумавшись и выходя вслед за ним из гостиной.

Тот и не настаивал, также погрузившись в свои мысли. Они немного постояли в прихожей, пытаясь найти подходящие для расставания слова, но не нашли, и ограничились сухим «до завтра».

Егор вышел на улицу и вздохнул.

– Ну, вот и все, – проговорил он вслух.

Некоторое время Горин шел по тротуару, не обращая внимания на прохожих. А если его взгляд и наткнулся на кого-нибудь, то сразу же уходил в сторону. Но уже без паники, а так, словно его хозяин был слишком поглощен своими переживаниями и не хотел ими ни с кем делиться.

На этот раз Горина никто не сопровождал. Коренастый мужчина в кремовом костюме довел его до дома профессора и после этого исчез в одном из переулков. Егор за весь день ни разу его не заметил. Впрочем, заметь он его, этот человек вряд ли сохранился бы у него в памяти.

Дойдя до стоянки такси, Горин сел в одну из машин и поехал домой.

Он был доволен собой. Он заставил профессора принять все выдвинутые им условия – и это почти без всякой борьбы. Легкое недовольство не в счет. Понятно, что никому не хочется терять курицу, несущую золотые яйца. А Егор подозревал – хотя прямых доказательств у него и не было, – что профессор взимает с «участников эксперимента» немалую мзду за полученные ими предсказания относительно их ближайшего будущего. По виду, профессор жил крайне скромно. Но чувствовалось, что в средствах он не только не стеснен, но, напротив, при желании мог бы жить на широкую ногу, а живет так лишь потому, что ему выгодно создавать видимость затворника от науки. Какие он на самом деле преследовал цели, Егор не знал, да и не хотел знать. Он желал лишь одного: обрести свободу, от кого бы то ни было.

Горин еще не думал, как распорядится своим даром, оставшись наедине с ним и с самим собой. Но разговор с отцом Кириллом вернул ему веру в возможность оказания помощи людям без боязни напугать их или оттолкнуть от себя. Он сумеет найти способ достучаться до их сердец. Высшие силы помогут ему в этом, так сказать, опосредованно, а отец Кирилл при надобности укажет более конкретный путь. Так или иначе, он, Егор, выполнит свое предназначение, и путеводной звездой ему в этом будет служить собственная воля, а не туманные и подозрительные цели фанатика-ученого.

Вскоре Горин подъехал к дому – новенькой высотке на Кутузовском проспекте. Он занимал в ней просторную квартиру-студию на последнем, сорок пятом этаже. Правда, выхоленное им – с помощью немалых средств – холостяцкое жилище недолго обслуживало его прихоти. Не прошло и года, как он сюда вселился, как в его жизни произошли те изменения, которые не только отразились на всем укладе его жизни, но в корне изменили его самого. Порой ему не верилось, что когда-то здесь больше одной ночи не задерживалась ни одна из его ветреных, зачастую случайных, подружек. Он словно стал лет на двадцать старше и с трудом представлял себе, чтобы он мог совсем недавно приводить сюда сомнительных красоток – одну за другой.

А кроме того, здесь теперь обитала Жанна, и ее присутствие обязывало его совсем к иному взгляду на свое местоположение в жизни.

Жанна встретила Егора, как заботливая жена. Помогла снять пиджак и даже разула, усадив на пуфик.

Поначалу Горин пытался протестовать против некоторых ее привычек, идущих вразрез с его взглядами на поведение красивых женщин, обладающих к тому же мощным интеллектом. Но вскоре он привык к некоторым ее странностям, тем более что странности эти были не лишены приятности и осязаемо льстили его мужскому самолюбию.

– Закончил дела? – спросила Жанна.

Ее лицо было безмятежно и дышало тихой радостью – как всегда, когда она видела его. Казалось, девушка начисто забыла разговор в сквере и их нескладное расставание.

– Да, – кивнул Егор, улыбаясь. – Закончил.

Он потянул носом.

– Что у нас на ужин?

– Ты голоден? – обрадовалась Жанна.

В последнее время Егор выказывал мало интереса к таким вещам, как кухня и гардероб, и ей приходилось чуть не силой кормить его и заставлять ходить по магазинам.

– Еще как! – подтвердил Егор.

– Мясо, – сообщила Жанна. – Телятина под белым соусом. Как ты любишь. И спаржа.

– Отлично. А вино?

– Ты хочешь вина?

– Очень.

– В таком случае, выбери сам.

Она с улыбкой указала на бар, сооруженный в дальнем конце студии.

– С превеликим удовольствием.

Егор отправился в бар и после недолгих раздумий остановился на бутылке токайского.

– Это праздничное вино, – заметила Жанна, когда он вернулся к столу.

– У меня сегодня праздник, – ответил Егор, наливая себе и ей.

– Большой?

– Очень. – Он засмеялся. – Давай выпьем за нас. И поедем...

– Давай, – согласилась Жанна.

Пока Егор насыщался, она потихоньку потягивала вино и смотрела на него, не докучая расспросами и вообще словно бы существуя на изрядном удалении от этой комнаты. Но Егор все время чувствовал на себе ее взгляд – изучающий, несколько удивленный, – и его радовал этот взгляд, как радовал вкус токайского, еда и вид огромного города из окон его вознесенного под облака жилища. Давно ему не было так хорошо, и он подумал, что четверть года – не слишком большая цена за то, чтобы почувствовать острую радость бытия и заново оценить то, что на время перестало приносить удовольствие и превратилось лишь в досадный привесок к великой миссии, назначение которой было для него тайной за семью печатями. Парадокс, но он, человек, превыше всего ценящий ясность цели и логическое обоснование всех своих поступков, целых три месяца блуждал в потемках, доверившись первому встречному и начисто удалив себя из числа вершителей своей судьбы.

Но теперь этому пришел конец, и, сознавая это, Егор с тем большим удовольствием пил вино, дающее, по верному замечанию Жанны, ощущение праздника, и глотал мясо, будя в себе то полузабытое, что некогда составляло основу его существа. И взгляд его все дольше задерживался на ногах Жанны, одетой в короткий шелковый халатик, и ее губах, всегда таких пухлых, как будто она только что проснулась.

– Вкусно? – спросила Жанна.

– У, – промычал Егор с набитым ртом. – Обалденно!

Его студенческая похвала вызвала у нее улыбку.

– Я рада.

Он вытер губы, отложил салфетку.

– Огромное спасибо. Давно я *так* не ел.

Жанна ответила лишь движением век, пряча лицо за бокалом.

Егор вдруг высоко поднял свой.

– Хочу выпить за тебя, моего ангела-хранителя!

Вино отуманило голову, и он бросал слова все с той же студенческой легкостью, не слишком вдумываясь в их значение, а лишь отдавая должное их уместности и созвучности его внутреннему настрою.

– А я – за тебя, – отозвалась Жанна.

– Давай, – засмеялся Егор.

Он допил бокал до дна и вылил в него остатки вина из бутылки.

– Можно узнать, какой у тебя праздник? – спросила Жанна.

– Можно, – кивнул Егор. – Освобождение!

Он значительно посмотрел на Жанну, ожидая, какой эффект произведет в ней это заявление. Но Жанна лишь поставила недопитый бокал и улыбнулась.

– Никогда не могу понять, – признался Егор, – о чем ты думаешь?

– О тебе, – коротко ответила Жанна.

– Да? И что же ты обо мне думаешь?

– Думаю, что после этого бокала ты уснешь в кресле, – сказала она.

Егор взглянул на бокал и поставил его на стол. Он не мог оторвать глаз от ее дрожащего горла, раздвинутых губ и полоски ровных, белых зубов за ними.

– Ошибаешься, – слегка утрированно шевеля ноздрями, сказал он. – На этот вечер у меня совсем другие планы.

– Какие же? – поинтересовалась Жанна невинно.

Он вдруг так резко подался к ней, что она взвизгнула.

– А ты догадайся!

– Егор! – воскликнула Жанна.

Но он уже обхватил ее тело, такое тонкое на вид и такое полновесное, зрелое на ощупь, вскинул на руки и, зарываясь ей губами в шею, в раскрывшуюся ложбинку груди, в смеющийся рот, в живот, в сильные гладкие бедра, понес в спальню.

Западня

Егор уже подъезжал к месту, когда обычный, полный безалаберной жизнерадостности треп радиоведущего был прерван экстренным сообщением.

– Как только что мы узнали, – торопливо и жадно, словно только он один имел право на эту весть, затараторил новостной редактор, – примерно полчаса назад автомобиль, в котором находились известный хоккеист Валерий Храмов и его жена, попал в аварию. Оба пассажира погибли. По предварительным данным, автомобиль направлялся на дачу спортсмена. За рулем находилась его жена. По всей видимости, она не справилась с управлением, и автомобиль марки «Мерседес» на полной скорости вылетел с шоссе и врезался в столб...

Толчком пальца Егор выключил радио и съехал на обочину, сам едва не получив удар от идущей сзади машины, давшей ему вслед долгий негодующий гудок.

Какое-то время он сидел без движения, тяжело дыша и не слыша своего дыхания.

«Я ведь его предупреждал, – билась в его голове одинокая и жалкая, как пойманная птица, мысль. – Я ведь его предупреждал...»

Он почувствовал, что задыхается, и открыл окно до упора.

Мимо катил поток машин, сверкая равнодушным металлом, гремя музыкой, ревя моторами.

Егор загляделся на этот поток, и ему стало немного легче. Постепенно в голове начали всплывать вчерашние события и мысли. Вспомнилась поездка в метро, давшая ему чувство освобождения от его самодовлеющего отношения к своему дару и направившая волну отчаяния, едва не доведшего его до самоубийства, в русло надежды и уверенности в себе. Что ж, теперь все это надо забыть? Оттого, что еще один человек не послушался его или, вернее, не дал себе труда ему поверить? Но это не повод для новой вспышки отчаяния. Он должен помнить, что ему далеко не все под силу исправить из того, что предрешено высшими силами. А если что-то ему и удастся, то это как раз с позволения тех самых сил, но отнюдь не вопреки им. И впадать в панику из-за невозможности изменить предопределенное – даже не наивно, а преступно, учитывая, против чего он пытается восставать.

«Чему быть, того не миновать, – сказал себе Егор, включая двигатель. – Я сделал все, что мог. А дальше не мне решать. Господи, на все воля твоя. Аминь».

Вскоре он входил в дом профессора Никитина. Новое испытание, пришедшее вместе с вестью о гибели Храмова, странным образом укрепило его решимость развязаться с Никитиным. Он чувствовал себя твердым, как камень, и если где-то в глубине души у него и оставались сомнения в целесообразности этого разрыва, то теперь он знал точно, что по-другому быть не может. Он должен получить полную автономию на свою жизнь и на право распоряжаться своим даром. Возможно, он наделает массу ошибок, но это будут его ошибки, и он сам, без чьей-либо помощи – которую можно без натяжки назвать вторжением – постарается свести последствия этих ошибок к минимуму.

Перед дверью он посмотрел на часы. Без двух минут девять. Он явился точно в срок.

Сразу же после его звонка дверь открыл профессор Никитин.

– Доброе утро, – сухо и деловито, то есть как обычно, точно ничего не произошло, сказал он. – Проходи.

– Доброе утро.

Егор прошел в прихожую, где, как всегда, пахло свежим кофе и табаком.

– Как настроение? – поинтересовался Никитин, глядя на него своими пронзительными орлиными глазами.

Егор вспомнил Храмова, и на миг его дух омрачился. Но он не позволил себе сбиться и бодро кивнул:

- Все в порядке.
- Ты не передумал? – спросил Никитин.
- Нет.
- Хорошо. Пойдем.

Егор вслед за Никитиным вошел в кабинет, служивший одновременно лабораторией.

Собственно, лабораторией его делала спрятанная в шкафу установка, которая извлекалась на свет божий лишь в часы занятий Егора с профессором, а в обычное время была совершенно незаметна.

Сейчас здесь сидел полный немолодой мужчина в очень дорогом костюме, с бриллиантом на поросшей черным волосом руке. Он был полон той нездоровой полнотой, в которую облакаются дорвавшиеся до денег выскочки из низов, и глаза его таращились на вошедших с мольбой, в которой не было ни выдержки, ни элементарной воспитанности.

За его спиной высились два телохранителя, которые уставились на вошедшего так, словно он собирался выхватить пистолет и превратить их драгоценного патрона в решето.

- Здравствуйте, – холодно сказал Егор, не обратив внимания на телохранителей.

Он видел вчера этого господина в открывшихся ему видениях и не удивился этой встрече. Единственное, что добавилось к уже сложившемуся образу, это то, что Егор при виде этой круглой, лоснящейся физиономии отчетливо вспомнил, кем является новый клиент Никитина. Клиент, ибо теперь Егор не сомневался в истинных взаимоотношениях Никитина и его гостей, что бы там профессор о них ни говорил.

- Здравствуйте, – простонал толстяк, еще больше выпучив глаза при виде Егора.

Горин был в маске, которую он надел в коридоре и которая скрывала почти все его лицо. Эта мера предосторожности была предпринята им по настоянию Никитина с самого начала их работы с посетителями. Егор, поначалу протестовавший против этой «театральщины», как он называл подобные ухищрения, вскоре понял, что Никитин прав. Мало того что он сам был известным человеком в московском обществе, так еще и на прием к Никитину зачастую являлись те, кто регулярно в этом обществе мелькал – как, например, этот толстяк, известный бизнесмен и покровитель искусства. Быть узанным Егору отнюдь не улыбалось, и потому маска стала постоянным атрибутом при его общении с гостями профессора.

Егор кивнул и сел на стул, стоящий напротив гостя. Все действие было отрепетировано до мелочей, поэтому он не тратил времени на подготовку, а непосредственно переходил к сути.

- Что? – спросил неуверенно толстяк, оглянувшись на застывшего в дверях профессора.
- Сидите спокойно, – посоветовал тот.

Толстяк замер, глядя в прорези маски, из которой на него смотрели серые пронзительные глаза.

Минута прошла в томительном молчании, отметившейся крупными каплями пота на лбу толстяка, которые, подобно каплям в клепсидре, отсчитывали истекающие секунды.

Затем Егор поднялся и молча вышел в коридор.

- Это все, профессор? – спросил толстяк, растерянно проводив Егора взглядом.
- Думаю, да, – отозвался профессор.
- Что мне делать?

- Ждите, – сказал профессор и вслед за Егором вышел в коридор.

Тот с отсутствующим видом стоял у стены. Снятая маска болталась у него в руке.

- Идем, – сказал профессор, забирая у него маску.

Он ввел Егора в гостиную и закрыл дверь.

- Что ты увидел?
- Он умрет через две недели, – сказал Егор.
- От чего?
- Что-то с мозгом, – пожал плечами Егор. – Я не смог понять что.

– С мозгом? – спросил Никитин. – Не с сердцем?

– С мозгом, – повторил Егор. – Он упадет прямо на совещании директоров. До больницы не довезут.

– Похоже на инсульт, – сказал Никитин.

– Похоже, – согласился Егор.

Никитин пристально посмотрел на него.

– Ты сегодня так спокоен, – заметил он. – Обычно ты реагируешь иначе.

– Да, – отозвался Егор. – Обычно, но не сегодня.

Никитин хотел что-то сказать, но промолчал.

– Подожди меня здесь, – распорядился он. – Я скоро.

Оставшись один, Егор не стал садиться в кресло, как было у них заведено, а встал у окна. Он так торопился покинуть эту квартиру, что не мог больше выносить вида ее стен и мебели. Все, что ему хотелось, это выйти туда, на залитую солнцем улицу, и раствориться в толпе прохожих. Он догадывался, что просто раствориться ему не удастся, что ноша, возложенная на его плечи, все равно выделит его из числа прочих и возведет на то место, которое ему причитается. И, прислушиваясь к себе, он понимал, что ничего не имеет против этого возведения. Но ему нужно было время на осознание того, где находится его место и каким образом он может его занять. И чем быстрее он покинет квартиру Никитина, тем раньше сможет начать поиски.

И потом, Горин ждал, что профессор выполнит свою часть договора и даст ему адрес отца. Егор не знал, в какой точке мира скрывается его отец, – на все его предыдущие расспросы Никитин отвечал молчанием. Но где бы ни находилась эта точка, Егор готов был отправиться к ней немедленно. Помимо прочих соображений, ему особенно крепко засело в голову одно: только отец способен все объяснить и помочь ему определиться с выбором единственно верного пути. А значит, найти отца было первостепенной задачей.

Вопреки обещанию, профессор явился не скоро. Должно быть, утрясал дела с клиентом. Егор старался не думать об этом: это все его не касалось. Он здесь лишь посторонний, волею судьбы задержавшийся на некоторый промежуток времени. Соответственно, он должен вести себя как посторонний, ничем не выказывая своей близости ни к профессору Никитину, ни к его занятиям.

Скрипнула дверь – вернулся профессор.

– Извини, – сказал он торопливо, – дела.

– Ничего, – сказал Егор.

Они встретились взглядами, и профессор отвернулся.

– Итак, – сказал он, падая в кресло и закуривая, – ты не изменил своего решения.

«Он словно насмехается надо мной», – подумал Егор.

Не поддаваясь овладевавшему им раздражению, но и не садясь в кресло, на которое кивком головы указал Никитин, он покачал головой.

– Не изменил.

– Жаль, – сказал профессор. – А я надеялся...

– Напрасно надеялись, – перебил его Егор.

– По-видимому, – согласился профессор.

Он с силой выпустил дым и улыбнулся, обнажая свои крепкие, коричневые по краям зубы.

– Что ж, мы с тобой хорошо поработали. Надо это признать.

Егор промолчал, косясь на его худые, жилистые руки.

– Надеюсь, мы будем видеться.

– Не в этой жизни, – вырвалось у Егора.

Профессор с удивлением посмотрел на него, и Егор тут же выбранил себя за свою вспышку. Нельзя давать волю чувствам! Чего доброго, Никитин сочтет его желание получить

свободу за слабость и попытается уговорить его остаться. Что его попытка ни к чему не приведет, Егор был уверен. Но он не был уверен, что сумеет сохранить спокойствие во время новых словопрений, и потому ему следовало удалиться как можно быстрее, а не увязать в сетях обещаний, а возможно, и угроз Никитина.

– Ладно, – кивнул профессор. – Вижу, ты настроен решительно. Что ж, это твой выбор. Не смею мешать.

Он сунул два пальца в нагрудный карман клетчатой рубашки, вытащил вырванный из блокнота листок.

– Вот, – сказал он, положив листок на стол. – Адрес, который ты просил.

Егор взял листок и, не глядя на него, положил во внутренний карман куртки.

– Спасибо.

– Не за что, – усмехнулся профессор.

Что-то мефистофельское опять промелькнуло в его улыбке, и Егор почувствовал легкое беспокойство. Но напрасно он пытался разглядеть свое будущее, соотнося его с будущим профессора. Тот наверняка включил защитные экраны, и все, что Егор мог видеть, – это какие-то символы, плавающие в отдалении и имеющие частично цифровое, частично графическое выражение. Так, он разглядел две девятки, потом рельсы железнодорожного пути, что все это могло означать, он не смог разобрать, а на гадания у него не было времени.

– Я пойду, – сказал он.

– Иди, – кивнул профессор. – Отцу поклон от меня.

– Спасибо.

Егор вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, которого по болезни досрочно отпустили с урока, хотя и не поверили ни единому его слову.

Он бросил последний взгляд на Никитина.

Тот смотрел перед собой немигающим и словно неживым взглядом; жесткие, изрезавшие лицо морщины застыли, будто в камне, и весь он создавал впечатление какой-то машины, лишенной души и плоти, но зато снабженной стальным скелетом, нейлоновыми жилами и мощным, ни перед чем не останавливающимся разумом. Он сидел перед Егором воплощением непреклонной воли, тем более жуткой, что у этой воли не было конечной цели, а, стало быть, вся она была устремлена в бесконечность. А там, где начинается бесконечность, начинается страх.

Содрогнувшись от соседства этой мумии, которая уже не смотрела на него, уже потеряла к нему интерес, точно и он был чем-то неодушевленным, вроде бронзового лаптя или занавески на окне, Егор вышел из комнаты и через минуту оказался на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.